

МНЕ НЕЛЬЗЯ
тебя любить

Инна Инфинити

Инна Инфинити

Мне нельзя тебя любить

<https://litres.ru/74413599>

Аннотация

Она — попала в беду. Он — влюбился в нее с первого взгляда. Случайная встреча при экстремальных обстоятельствах изменила их жизни навсегда. Им нельзя быть вместе, им нельзя любить друг друга. Но болезненное влечение создает проблемы для обоих...

От автора: История Иры Самойловой из "Опасного министра", "Моей Нирваны" и "Мне тебя запретили"

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	8
Глава 3.	15
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	35
Глава 7.	42
Глава 8.	50
Глава 9.	56
Глава 10.	61
Глава 11.	67
Глава 12.	79
Глава 13.	85
Глава 14.	92
Глава 15.	102
Глава 16.	108
Глава 17.	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Глава 1.

ЛЕВ

— На выборах будет кандидат из Москвы, — вдруг говорит губернатор, провожая меня до двери. — Так что, Лев, тебе придется постараться, чтобы победить.

Хмыкаю.

— Это не более чем слухи.

— Не знаю, Лев. Мне это все не нравится. Я бы предпочел видеть мэром нашей столицы тебя. Но... — губернатор запинается.

— Но что?

Несколько секунд он задумчиво на меня смотрит.

— Грядут большие перемены.

— Конечно, — соглашаюсь. — Ведь я скоро стану новым мэром.

Жму губернатору руку и выхожу за дверь его особняка.

Собачий холод пробирает до костей. Тороплюсь к «Мерсу» и запрыгиваю в теплый салон. Зуб на зуб не попадает, поэтому я сразу не трогаюсь с места. Минут через пять отогреваюсь и завожу мотор. Метель сильно мешает обзору, так что еду медленно. Попутных машин нет. Еще бы. Почти двенадцать ночи и пурга, а фонари в нашей области толком не работают.

За пять километров до въезда в город я вдруг замечаю

впереди очертания машины, въехавшей в дерево. Проезжая мимо нее, всматриваюсь и узнаю автомобиль из нашей службы прокатов авто. Вернее, из моей службы прокатов.

Резко сруливаю на обочину и торможу. Выскакиваю из салона и бегу к машине. Ноги тонут в высоких сугробах, замедляя движение. У автомобиля не горят фары, что говорит о выключенном двигателе. А раз не работает двигатель, то и печка в салоне тоже. В такой мороз это чревато холодной смертью в прямом смысле.

Добежав до водительской двери, достаю из кармана телефон и свечу в окно. Там девушка. Она опустила голову на руль и вообще не двигается.

— Твою ж мать, — вылетает ругательство.

Дверь, к счастью, не заблокирована. Я откидываю девушку на кресло и бью по щекам.

— Ты жива? Очнись, очнись!

Девушка издает нечленораздельное мычание, и у меня с плеч падает гора. На ней норковая шуба, но в такую пургу она не спасет. Я беру с соседнего кресла дамскую сумочку, затем поднимаю на руки девушку и несу ее по сугробам к своей машине. Незнакомка не открывает глаза, но издает мычащие звуки. Жива. Главное, что жива.

Засовываю девушку на заднее сиденье и залезаю следом к ней. Тянусь вперед, врубаю печку на полную катушку и принимаюсь снимать с девушки ледяную одежду. Под шубой оказываются легкое коктейльное платье и капроновые кол-

готки. Идиотка.

Стягиваю с нее всю одежду и обувь. Сапоги на каблуках и без меха. Ну точно больная. Когда незнакомка остается в одном кружевном лифчике и прозрачных стрингах-ниточках я принимаюсь растирать ее: ступни, ноги, руки.

Непроизвольно обращаю внимание, что у девушки очень ухоженное тело, как будто она только из салона красоты. Идеально гладкие ноги, маникюр и педикюр, плоский живот, упругие ягодицы. И нижнее белье на ней очень дорогое. Длинные темные волосы спадают на грудь размера так третьего.

Против моей воли кровь приливает к одному месту, к которому в данной ситуации и обстановке приливать нельзя...

— Мммм, — издает громко и приоткрывает веки. Из-под пушистых черных ресниц виднеются синие глаза.

— Ты как? — задаю идиотский вопрос, продолжая растирать ее.

Девушка дергается и пытается вырвать ногу из моих рук. Я быстро снимаю с себя теплое пальто и накидываю на нее сверху.

— Тише, ты, тише, не бойся, — тороплюсь успокоить. — Ты попала в аварию, я проезжал мимо. Ты там чуть до смерти не замерзла, на улице минус тридцать.

Незнакомка вырывается из моих рук и отползает к двери, поджимая под себя ноги. Прикрывает наготу моим пальто и всматривается в меня. В салоне повисает долгая пауза, и

я замечаю, как и без того большие синие глаза незнакомки, расширяются в ужасе еще больше.

— Я не насильник! — восклицаю, торопясь ее успокоить.
— Я тебя раздел, чтобы согреть! Меня, кстати, Лев зовут. А тебя как?

Девушка не отвечает. А после того, как я назвал свое имя, в ее глазах прибавилось ужаса.

Глава 2.

ЛЕВ

— Я не насильник! — повторяю громко еще раз.

Девушка смотрит на меня, как жертва на маньяка. Но даже с перекошенным от ужаса лицом незнакомка все равно ослепительно красива. И ссадина на лбу ее не портит.

— Я сейчас пересяду на водительское сиденье, — говорю успокаивающе. — И отвезу тебя в город. Ты ведь туда ехала?

Коротко кивает.

— Хорошо.

Вылезаю из салона, обхожу «Мерс» и сажусь вперед. Включаю девушке подогрев заднего сиденья и трогаюсь с места. Мне бы следить за дорогой, но я то и дело смотрю в зеркало на незнакомку.

Однозначно не местная. Если бы она была из нашего города, я совершенно точно знал бы ее. Таких красивых в Печорске нет. По крайней мере, за 35 лет своей жизни я таких красивых, как она, в нашем городе не встречал. Идеальное тело, идеальные руки, идеальная грудь. На незнакомке дорогое сексуальное белье.

При воспоминаниях о ее прозрачных стрингах кровь снова приливает, куда не надо...

— Как тебя зовут? — задаю вопрос, чтобы отвлечься от

мыслей о соблазнительном теле незнакомки.

Она слегка поворачивает в мою сторону голову, и наши взгляды встречаются в зеркале дальнего вида.

— Мне нужно одеться, — небрежно бросает через пару секунд.

Ухмыляюсь. Могла бы, вообще-то, спасибо сказать за то, что я спас ее от холодной смерти.

— Одевайся. Твоя одежда, наверное, уже согрелась.

Силой заставляю себя оторваться от зеркала и сконцентрироваться на темной дороге. Хотя подсмотреть за ней в нижнем белье — соблазн велик.

Метель усилилась, я сбавляю скорость до черепашьей и внимательно вглядываюсь в крошечную тьму. «Мерсу» тяжело в такую погоду, колеса пробуксовывают в снегу.

Девушка заканчивает возиться и сбрасывает с себя мое пальто, оставаясь в платье. Тянется к своей шубе и набрасывает ее на плечи.

— Мне нужно связаться с компанией, у которой я арендовала автомобиль, и сообщить им о ДТП. Мой телефон разрядился, — достает его из сумочки. — Извините, у вас не будет зарядки для айфона?

У нее красивый голос. Мелодичный такой. Вот только она старается держаться со мной отстраненно и строго, что меня забавляет.

— Не переживай, я уже позвонил в компанию и сообщил им об аварии. Скоро приедет эвакуатор и заберет машину,

— отвечаю.

— Мне все-таки нужно связаться с компанией лично, обсудить компенсацию. Я немного не справилась с управлением в метель, моя вина.

— Тебе ничего не нужно платить компании.

— С чего вы взяли?

С того, что эта компания по аренде автомобилей принадлежит мне.

— В службе поддержки так сказали.

Девушка удивляется, но больше вопросов не задает. Отворачивается к окну. Имя свое так мне и не назвала.

— Согрелась? — спрашиваю, чтобы заполнить тишину. Ну и чтобы снова услышать ее голос.

— Да, — сухо отрезает.

Чертовски красивая, невозможно на нее не смотреть. Салон наполнился ее запахом, и я вдыхаю поглубже. Что-то нежно-фруктовое с легкой кислинкой. Персики? Наверное.

Снова пытаюсь сконцентрироваться на дороге. Тьма непроглядная. Неожиданно машина забуксовывает.

— Черт.

— Что случилось? — пугается девушка.

— Кажется, машина застряла в снегу и не может ехать дальше, — отвечаю, выжимая газ.

«Мерс» рычит, но не двигается. Только этого не хватало. Слегка сдаю назад, потом снова еду вперед, и снова машина застревает.

— Боюсь, в такую погоду не доедем до Печорска, — говорю незнакомке. — Тебе куда именно надо в городе? Тебя ждут этой ночью или есть важные дела с утра?

Ее красивое лицо снова изображается испугом.

— Кхм, позвольте все-таки подключить телефон к зарядке? Я вызову себе такси.

Вот опять она не отвечает на мои прямые вопросы.

— В такую погоду такси к тебе не приедет, — говорю устало.

— И что вы предлагаете!? — повышает голос.

— Идти в город пешком или вернуться на пару километров назад. Там есть база домов отдыха. Можно остановиться на эту ночь там. А утром я отвезу тебя в город, куда скажешь.

Несколько секунд незнакомка размышляет.

— А сколько до Печорска осталось?

— Два километра.

— Спасибо, я дойду пешком.

На этих словах она хватается сумочку и вылезает из автомобиля.

Не ожидая такого ответа, я на несколько секунд теряюсь. Прихожу в себя, только когда девушка, накинув на голову меховой капюшон, отходит от машины метров на десять. Быстро надеваю пальто и выскакиваю следом за незнакомкой.

— С ума сошла!? — догоняю ее и хватаю за руку, разворачивая к себе. — Я не отпущу тебя одну в такую погоду!

— Спасибо вам большое за помощь, но больше она мне не нужна, — девушка пытается вырваться, поэтому я крепко хватаю ее за талию и прижимаю к себе.

Строптивая какая. Имени своего не называет, на прямые вопросы не отвечает. Еще и меня не узнает, а значит, точно не местная. Меня в нашем городе знает каждая собака.

Мы стоим в темноте, метель хлещет по нам, я не вижу лица девушки, но нутром чувствую, как меня к ней тянет. Ее запах проникает в легкие, разливая по телу чистое наслаждение.

— Я не отпущу тебя, — говорю твёрдо.

И вдруг понимаю, что под этой фразой имею в виду не только нынешнюю ночь.

— Что вы себе позволяете? — шипит. — Отпустите меня немедленно!

— Нет. Не отпущу.

Больше не слушая ее сопротивления, поднимаю девушку на руки и несу обратно к машине. Каждый шаг даётся мне с большим трудом, потому что метель буквально сносит с ног. Открываю заднюю дверь и засовываю незнакомку в салон. Быстро возвращаюсь к водительскому сиденью.

— У тебя наверняка есть ушибы после аварии, — говорю, разглядывая в зеркало ее разъяренное лицо. — Вдруг сотрясение? Ты ударилась головой о руль, у тебя на лбу ссадина.

— Я не ударялась головой о руль! Я просто опустилась на него и уснула.

— Не уснула, а вырубилась от холода. Еще чуть-чуть — и замёрзла бы насмерть.

Завожу мотор и сдаю назад. Разворачиваюсь и еду к повороту, который ведет к турбазе.

Моей турбазе. В этом городе все принадлежит мне: прокат автомобилей, гостиницы, супермаркеты, автосервисы, клиники, рестораны, завод... И скоро сам город тоже будет принадлежать мне, потому что я намерен выиграть выборы мэра. Больше 90 процентов жителей поддерживают мою кандидатуру, так что победа уже, считай, у меня в кармане.

Правда, ходят слухи, что на выборах появится какой-то мифический кандидат из Москвы. Про него же сказал и губернатор. Я не верю, но даже если такой и будет, у него нет шансов против меня.

— Спасибо, что спасли мне жизнь, — саркастично цедит.

— Ну, вообще-то, да, — заявляю без лишней скромности.

— Я спас тебе жизнь, а ты дерзишь, не слушаешься и даже не называешь своего имени.

Незнакомка отворачивается к окну, недовольно поджав сочные губы. Она идеальна от корней волос до кончиков пальцев на ногах. Я еще никогда не видел таких красивых женщин. В нашем городе, понятное дело, таких-то, как она, быть не может. Но я много, где бывал. И в Москве, и в Питере, и за границей. Я объездил полмира и повидал огромное количество женщин совершенно разных национальностей, цветов кожи и религий.

Но таких красивых, как строптивая незнакомка на заднем сиденье моего «Мерса», не встречал никогда.

— Ирина, — вдруг тихо говорит. — Меня зовут Ирина.

Глава 3.

ЛЕВ

Ирина...

Пробую ее имя на вкус. Хотя оно абсолютно обычное. Мало ли в нашем городе Ирин? Каждая третья, если не каждая вторая.

Но глядя в зеркало на девушку, даже такое обычное имя, как Ирина, начинает играть для меня новыми красками. Она не просто Ирина. Она царица Ирина.

До турбазы мы доезжаем в тишине. По дороге я написал сообщение администратору с просьбой оперативно подготовить для меня дом класса люкс. Когда подъезжаем, на крыльце нас ждет директор турбазы.

— Приехали, — объявляю Ирине.

Мы молча вылезаем из салона в холодную ночь. Я обгоняю девушку, чтобы перекинуться парой фраз с директором без ее ушей.

— Лев Александрович, все подготовили, как вы просили, — он протягивает мне в руки ключи от дома. — Ужин на двоих вам скоро принесут.

За спиной слышится стук женских каблуков.

— Спасибо, Степан.

Директор пару секунд неловко мнется, а затем спешит

удалиться в сторону центрального корпуса, где находится ресепшен. Ира медленно обводит глазами деревянный двухэтажный дом, у которого мы стоим.

— Мы будем жить в одном доме? — уточняет.

— Да. Единственный свободный остался, так что нам еще повезло, — вру. На самом деле полно свободных домов.

Ее красивое лицо изображается то ли разочарованием, то ли безразличием, то ли смертной скорбью. А может, тремя эмоциями одновременно.

Распахиваю перед Ириной дверь и пропускаю вперед. Я точно знаю, что в этом доме все, как надо. Конкретно этот люкс я делал под себя. Большую часть времени он стоит свободным. Посетителей в него заселяют, только когда остальные люксы заполнены, что бывает не очень часто.

— А сколько здесь комнат? — спрашивает, снимая с себя шубу.

Забираю у нее верхнюю одежду и вешаю в шкаф.

— Не знаю. Я здесь первый раз.

Комнат здесь три. На мгновение я даже думаю, что надо было попросить приготовить обычный стандарт с двуспальной кроватью, а Ирине сказать, что номеров больше не осталось. Эх, промахнулся.

Девушка медленно проходит в глубь дома, с опаской оглядываясь по сторонам. Как будто я привёз ее не на базу отдыха, а в лагерь для пыток. Проходит в гостиную, осматривает камин, оленью голову над ним, мягкий диван, два кресла,

прямоугольный обеденный стол. За гостиной располагается кухня. Здесь же есть ванная и выход на веранду. На втором этаже три спальни, еще одна ванная и балкон.

— Сколько я вам должна? — спрашивает, вдоволь насмотревшись и, видимо, удовлетворившись увиденным.

— Что должна? — не сразу понимаю ее вопрос.

— Денег сколько должна? За аренду этого дома и за то, что возились со мной на дороге.

Я даже не сразу нахожусь с ответом от такого заявления.

— Ты мне ничего не должна, — отвечаю со смехом.

— Я настаиваю. Не люблю быть кому-то должной.

Она поразительна. Интересно, у нее есть кто-нибудь? Только несвободная девушка может заявить такое мужчине. От этой мысли в сердце неприятно саднит, а взгляд непроизвольно опускается на безымянный палец ее правой руки. Кольца нет. Но это еще ничего не значит. Она может с кем-то жить, встречаться, в конце концов, быть замужем и не носить кольцо.

— Ну если ты настаиваешь, то в качестве компенсации, во-первых, обращай ко мне на «ты», а во-вторых, поужинай со мной.

— Боюсь, не могу предложить вам ни того, ни другого.

Все удивительнее и удивительнее. Откуда она взялась такая?

— Ты не из нашего города? — перевожу тему.

— Нет.

— А откуда ты?

Медлит с ответом. Как будто не хочет говорить. Пробегается по мне глазами вверх-вниз. Оценивает, достоин ли я ответа, что ли?

— Я из Москвы, — говорит через долгую паузу.

Интересно. Москвичка, значит. Давно в наш город не заглядывали москвичи.

— Какими судьбами в Печорск? — ухмыляюсь.

— Дела... — отвечает расплывчато.

Москвичка приехала по делам в город, который принадлежит мне, а я об этом ничего не знаю? А вот это мне уже не нравится. Оглядываю ее еще раз. Сногсшибательно красива. Настолько, что все вопросы пулей вылетают из головы.

— Кхм, где здесь комнаты? — она смущенно заправляет прядь волос за ухо.

— Не знаю...

Быстро поворачивается к лестнице наверх и спешит на второй этаж, цокая каблуками. Я спокойно выдыхаю, только когда Ирина скрывается за первой попавшейся дверью. К слову, она зашла в мою спальню. Личных вещей там нет, я ведь не живу здесь. Просто всегда сплю в этой комнате, когда приезжаю сюда отдохнуть.

Через десять минут нам приносят ужин на двоих. Горничные быстро сервируют стол, пока я разжигаю камин. Ирина не выходит из головы ни на секунду. То и дело перед глазами встает ее соблазнительная фигура, пышная грудь, стройные

ноги... Даже не помню, когда я последний раз так западал на девчонок. Наверное, в пубертате.

Горничные удаляются, оставляя на столе умопомрачительно пахнущий ужин на двоих и бутылку вина. Поднимаюсь на второй этаж и стучу к Ирине. Надеюсь, она не легла спать.

Дверь распахивается, и меня снова ослепляет красота девушки. Настолько, что забываю, зачем стучал.

— Слушаю, — первой прерывает затянувшееся молчание.

— Ужин готов, — отмираю. — Спускайся вниз.

— Спасибо, но я не ем в двенадцать ночи.

Она порывается захлопнуть перед моим носом дверь, но я успеваю подставить ногу.

— Ты моя должница, — напоминаю.

— Я предложила вам деньги.

— Я деньгами не беру, я беру ужинами.

— Я не голодна, — она снова пытается закрыть дверь, но я ей не даю.

И почему к ее красоте прилагается строптивость, а не покладистость?

Распахиваю дверь и быстрым движением взваливаю на плечо Иру.

— Отпустите меня немедленно! — колотит меня, пока я спускаюсь по ступенькам.

— Я же уже сказал на дороге, что не отпущу.

Ира продолжает бить меня по спине, пока я не ставлю ее

у стола. Чтобы она не вырвалась и не умчалась обратно в комнату, прижимаю к нему бедрами.

— Что же ты такая строптивая, а?

— А что же ты такой надоедливый? — тяжело дышит и поправляет взлохмаченные волосы.

— Вау, ты перешла со мной на «ты». Прогресс.

Опускаю взгляд с ее лица на шею и замечаю, как пульсирует венка. Должно быть, пульс у нее сейчас зашкаливает. Нервничает? Боится меня? Я совсем не знаю Ирину, но могу сказать точно: она не из пугливых.

— Может, все-таки отойдешь от меня? — ее голос заставляет меня поднять взгляд от шеи с ключицами обратно к лицу. У нее большие голубые глаза. Холодные, но чертовски красивые.

— Обязательно, — и вместо того, чтобы сделать шаг назад, кладу на ее тонкую талию руки.

Дергается, как от удара током.

— Я не позволяла ко мне прикасаться, — цедит.

— А мне не нужно разрешение, — вожу руками вверх-вниз по шелковой ткани платья.

Упираюсь в Иру бедрами. Она не может не чувствовать, как я ее хочу. Жду, что девушка даст мне пощечину или начнет вырываться, но неожиданно она замирает. Просто смотрит на меня и не двигается. Похоже, что в ее голове запущен важный мыслительный процесс.

Какие тут могут быть мысли???

Склоняюсь к ней и целую в губы.

Глава 4.

ЛЕВ

Ира несколько секунд стоит, не двигаясь, а затем начинает отвечать. Это очень удивляет, я вообще-то ожидал от нее пощечины и скандала. Но ее губы целуют мои, одной рукой она обнимает меня за шею, второй обвивает спину. Я еще плотнее прижимаюсь к ее хрупкому телу и усиливаю поцелуй.

Мозг плавится от наслаждения. Это блаженство. Запах Ирины проникает глубоко в легкие, разливая по венам чистый кайф. Я запускаю ладонь в ее шелковые волосы, просеиваю их через пальцы. Ира сейчас такая податливая в моих руках, такая нежная и мягкая. Может же быть хорошей, если захочет.

Ира перемещает ладонь с затылка на щеку и слегка поглаживает меня. Прикосновения ее губ к моим не менее жадные, чем мои к ее. А в какой-то момент я даже слышу, как она издаёт тихий стон.

Но все же Ира первой прерывает поцелуй. Сам бы я его никогда не остановил. Несколько секунд блуждает по моему лицу пьяным взглядом, тяжело дыша.

— Ужин остывает, — говорит на выдохе.

— К черту его, — снова склоняюсь к ее губам, но Ирина отворачивается.

— Я проголодалась, — и не дожидаясь, когда я ее выпущу, сама снимает с себя мои руки.

Цокая каблуками, Ирина доходит до конца прямоугольного стола и садится на стул. Делать нечего, поэтому я опускаюсь на второй стул ровно напротив нее.

— Ммм, запеченная дорада, — говорит, поднимая с блюда большую металлическую крышку.

Я поднимаю свою и тоже вижу запеченную в духовке рыбу с лимоном, зеленью и гарниром из овощей гриль. Выглядит очень аппетитно и пахнет вкусно.

— Вина? — указываю на бутылку посередине стола.

— Совсем чуть-чуть.

Я наполняю ей бокал на четверть, себе так же.

— За знакомство? — поднимаю фужер вверх.

— За знакомство, — она чокается своим бокалом с моим и подносит ко рту.

Я замечаю, что Ирина не делает полноценный глоток, а лишь слегка касается напитка губами. Интересно, не любит алкоголь? Но тогда так бы и сказала. Боится опьянеть в моем присутствии? Напрасно, я уже давно опьянен ею.

— Ты надолго в наш город? — спрашиваю отрезая кусок рыбы.

— Надеюсь, что нет.

Ловлю себя на том, что ее ответ меня разочаровывает. Скорее всего, она ненадолго в Печорске, может, на несколько дней или максимум неделю. Потом уедет.

Черт...

— Ты замужем? — задаю следующий интересующий меня вопрос.

— Думаешь, я бы целовалась с тобой, если бы была замужем? — хмыкает.

Логично.

— Ну, всякое бывает...

— Нет, я свободна. Детей тоже нет.

Даже не скрываю довольной улыбки. Впрочем, наличие детей меня бы все равно не смутило. Но тот факт, что Ира свободна — определенно радует.

— А какие у тебя дела в Печорске? — продолжаю допрос.

— Что мы все обо мне, да обо мне? Расскажи о себе.

Надо же, я ей все-таки интересен. Это тоже не может не радовать.

— Меня зовут Лев Быстрицкий. Я местный предприниматель и кандидат в мэры Печорска. Планирую принять участие с ближайшей предвыборной гонке.

Ее брови в удивлении взлетают вверх.

— Ну надо же, как интересно. А разве предприниматели могут быть мэрами? Госслужащим же нельзя иметь бизнес.

А она не глупа. Очень не глупа.

— Я переписал весь свой бизнес на родственников.

— Настолько им доверяешь?

— Не столько доверяю, сколько знаю, что они не сделают ничего лишнего. Я продолжаю управлять всем своим бизне-

сом. Решения принимаю только я, несмотря на то, что по документам больше не являюсь собственником.

— И какой у тебя бизнес?

— Разный... Завод вот мне принадлежит. Ну и так, по мелочи: супермаркеты, аптеки, заправки...

— Какой завод? — настораживается. — Градообразующий?

— Да, у нас здесь только один завод, на котором работают семьдесят процентов жителей города. Производит химические удобрения.

— И он — твой? — уточняет, не веря.

— Да.

— Не обманываешь?

— Забей мое имя в интернете и сама все увидишь, — отвечаю, смеясь.

— Ладно, поверю на слово.

А теперь мне очень интересно, по каким делам москвичка приехала в город, который принадлежит мне. По делам завода? Договариваться о закупках удобрений? Точно нет, я бы знал. Супермаркеты, аптеки, заправки, турагентства, отели, прокат автомобилей, торговые центры, рынки, фитнес и что там еще мне принадлежит — это все слишком мелко.

— А чем ты занимаешься? — решаю зайти издалека.

Ира медленно жует рыбу, явно не торопясь с ответом.

— Я много лет работала на госслужбе, сейчас безработная, — отвечает, прожевав.

А вот это уже ближе к делу. Возможно, приехала устраиваться на работу к нам в мэрию, или местный парламент. Правда, странно, что москвичка приехала искать работу в наш город, но вдруг ей тут должность пообещали? Я точно знаю, что в нескольких департаментах области отчаянно не хватает людей.

Ладно, в любом случае вряд ли ее дела касаются моих дел. Я бы точно знал, если бы на мою территорию ехал кто-то из Москвы. К тому же Ира — девушка. Хоть и строптивая, но все же очень хрупкая, нежная и беззащитная. А я обычно тягаюсь с матёрыми мужиками, а не с девушками, которые въезжают в дерево и не знают, что делать дальше.

Ирина берет в руку бокал и тянется им ко мне:

— Выпьем за будущего мэра славного города Печорск?

— С удовольствием.

Мы звонко бьемся стеклом и, не сводя с меня пристального многозначительного взгляда прекрасных голубых глаз, Ира делает большой глоток.

— Жарковато, — она отставляет бокал в сторону и откидывает назад волосы.

Я прослеживаю за этим движением и забываю все, о чем думал. В брюках снова становится тесно, а единственное мое желание — это смахнуть со стола тарелки и разложить на нем Иру.

Она до одури красива и до умопомрачения сексуальна. Я смотрю на нее, наверное, как пятнадцатилетний пацан на Па-

мелу Андерсон в «Спасателях Малибу». Мне кажется, у меня никогда еще не было такой магнетической тяги к девушке. А мне, черт возьми, уже тридцать пять лет, и девушек я повидал очень много.

— У меня что-то не так с лицом? — спохватывается. — Ты так на меня смотришь...

— У тебя с лицом полный порядок.

Остаток ужина мы сидим в тишине. Ира упорно смотрит в тарелку, а я на нее. Даже отложил приборы в сторону. Во мне сейчас играет совсем другой аппетит. В Ире идеально все: темные шелковистые волосы, большие голубые глаза, аккуратные брови, пухлые губы, лебединая шея, грудь... Я почувствовал, какая она пышная, когда прижимал Ирину к себе во время поцелуя.

Мысленно я уже раздеваю девушку. Расстегиваю ее соблазнительный лифчик с белым кружевом, тяну вниз резинку полупрозрачных стрингов...

— Спасибо, было очень вкусно, — объявляет громко, перебивая мои фантазии.

Слегка дергаю головой, чтобы прогнать наваждение. Ира быстро промокает губы салфеткой и подсказывает на ноги.

— Спокойной ночи, провожать до комнаты не надо.

И я опомниться не успеваю, как Ирина взбегает вверх по лестнице и хлопает дверью в спальню, повернув замок.

Глава 5.

ЛЕВ

Утром, когда я спускаюсь на первый этаж дома, Ирина уже сидит за столом и пьет кофе. На ней вчерашнее платье, а вот лицо совсем без косметики.

— Доброе утро, — здороваюсь первый и останавливаюсь напротив стола, пригвожденный к месту ее естественной красотой.

— Доброе, — отвечает прохладно и делает глоток из кружки.

— Куда тебя отвезти?

— В гостиницу «Печорск». Я только адрес не помню, а телефон мой до сих пор разряжен...

— Я знаю адрес.

Эта гостиница тоже принадлежит мне. Она не идеальна, но лучшая в нашем городе. Все, кто приезжают в наш город по делам, останавливаются там.

Подхожу к кофемашине, ставлю кружку и нажимаю кнопку. Пока аппарат готовит американо, поворачиваю лицо к окну. Метель закончилась, но сугробы выше колена, дорога плохая. Можно было бы, конечно, использовать погодные условия для того, чтобы задержаться здесь с Ирой еще на ночь, но, к сожалению, меня ждут важные дела в предвыбор-

ном штабе.

Ладно, с Ирой я все равно не прощаюсь. Надо будет поужинать с ней. Она, естественно, будет сопротивляться и отнекиваться, но я сдаваться не намерен.

Ира быстро допивает свой кофе и удаляется обратно на второй этаж, а спускается, только когда я зову ее ехать. В машине она неожиданно садится на переднее пассажирское сиденье, что меня приятно удивляет. Дорога, хоть и вся в снегу, но оказывается не такой тяжёлой, как я думал, поэтому мы доезжаем до города довольно быстро.

В машине мы почти не разговариваем. У меня складывается ощущение, что Ира чувствует себя скованно. Может, ей неловко за то, что целовала меня вчера, как взбесившаяся кошка? Да вроде она не похожа на скромную восемнадцатилетнюю девственницу.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю неожиданно для самого себя и тут же прикусываю язык. Девушки же всегда очень болезненно реагируют на этот вопрос.

— Двадцать девять, — спокойно отвечает без малейшего стеснения или кокетства.

Хорошо, что мы стоим на светофоре, потому что я не удерживаюсь от того, чтобы не повернуть к ней в изумлении голову.

— Двадцать девять? — переспрашиваю, не веря.

— Да, а что?

— Ты выглядишь моложе, — честно говорю.

— Спасибо, — слегка приподнимает вверх уголки губ.

Я продолжаю, не стесняясь, рассматривать Ирину, пока мне не сигналият сзади. Опомнившись, возвращаюсь к лобовому стеклу и трогаюсь с места.

— А почему ты не замужем? — задаю еще один бестактный вопрос. Но я должен удовлетворить свое любопытство, иначе не смогу спокойно работать весь день.

— А почему я должна быть замужем? — парирует вопросом на вопрос.

Снова окидываю ее взглядом.

— Потому что ты до одури красива, — произношу в сердцах.

Ира хмыкает, но ничего не отвечает.

До гостиницы мы доезжаем молча. Я выхожу из автомобиля вместе с Ириной.

— Спасибо за все, Лев, — ослепительно улыбается. — Ты очень мне помог.

— Ты же оставишь мне свой номер телефона в знак благодарности? — выгибаю бровь.

— А это уже лишнее, — Ира хлопает меня по плечу и устремляется на вход в гостиницу.

Я не бегу ее догонять и требовать оставить мне номер, а жду, когда она пройдет стеклянную дверь-вертушку, пересечёт лобби и зайдёт в лифт. Как только Ирина скрывается в металлической кабинке, я захожу в гостиницу и иду на ресепшен.

— Лев Александрович!? — девушка-администратор при виде меня подскакивает на стуле, как ужаленная, и быстро прячет кружку с чаем. — Чем могу вам помочь? Позвать Петра Сергеевича?

Петр Сергеевич — это директор гостиницы.

— Нет. Сейчас в отеле проживает гостья из Москвы по имени Ирина. Дайте мне ее номер телефона.

— Ирина из Москвы? Сейчас посмотрю, — хватает мышку компьютера и принимается щёлкать. — Да, есть одна Ирина из Москвы, заселилась две недели назад.

— Две недели назад? — удивляюсь.

— Да. Самойлова Ирина Максимовна, место постоянной регистрации — Москва.

Хм, давно она здесь.

— Ее дата рождения указана? Должно быть двадцать девять лет, — говорю.

Администратор прищуривает глаза, считая в уме.

— Да, двадцать девять. В июне будет тридцать.

Киваю. Значит, действительно она.

— Номер телефона ее есть?

— Да, есть.

Администратор диктует цифры, и я возвращаюсь к машине, чтобы поехать в свой штаб.

Две недели она в Печорске. Очень интересно. Что пафосная москвичка может делать в нашем захолустье целых две недели? Да тут на третий день от скуки завоешь. Память вос-

создает ее соблазнительные формы, пышную грудь и мягкие губы. В брюках моментально становится тесно, а все вопросы пулей вылетают из головы. Сегодня же поужинаю с Ирой.

В штабе работа, как всегда, кипит. Всюду носятся люди, звонят телефоны, печатает принтер. В стеклянных переговорках мои пиарщики бурно дискутируют. Формально предвыборная гонка еще не началась, поскольку Центральная избирательная комиссия продолжает регистрировать новых кандидатов. Но скоро регистрация желающих стать мэрами закончится, и начнётся борьба за кресло.

К этим выборам я шёл долго. Последовательно, шаг за шагом, сначала выстраивал бизнес-империю в городе, а потом перешёл к завоеванию политического веса. Выборы и кресло мэра — последняя ступенька. И всех кандидатов, которые на данный момент зарегистрированы на выборы, я знаю, как облупленных. Два местных депутата и один бывший глава муниципалитета — это все мои соперники, других быть не должно. Первые двое пьют, как не в себе, а последний был уволен со скандалом.

«Соперники» — это, конечно, громко сказано. Меня поддерживают 90% жителей города, так что в своей победе я не сомневаюсь. Но все же для вида мне придется походить на дебаты, выступить на местном телевидении, пообщаться с избирателями, провести какую-нибудь благотворительную акцию.

Ну и имидж у меня должен быть исключительно положи-

тельным. Доверие избирателей очень легко потерять. Одно неосторожное слово, один неосторожный поступок — и вот за меня уже никто не хочет голосовать. Поэтому последние три года я исправно повышаю зарплаты сотрудникам всех своих компаний. Лояльность народа лучше всего покупается деньгами.

— Лев Александрович, у нас проблема, — словно из ниоткуда возле меня вырастает один из моих помощников.

— Что еще за проблема? — спрашиваю, нахмурившись.

— На выборы зарегистрирован новый кандидат.

Я резко торможу в коридоре штаба и поворачиваюсь всем корпусом к двадцатилетнему юнцу.

— Какой еще кандидат? — оторопело восклицаю.

— Вот, — протягивает мне в руки папку. — Не думаю, что этот кандидат составит вам реальную конкуренцию, но на всякий случай я приготовил досье.

— Спасибо, Коля.

Парень тут же ретируется, а я так и стою на одном месте, пялясь на папку в руках. Наверное, проходит пара минут прежде, чем я прихожу в себя и устремляюсь в кабинет. Опустившись в мягкое кожаное кресло, задумчиво верчу в руках папку, не спеша ее открывать.

Очень интересно. Еще один кандидат. Кроме двух депутатов и бывшего главы муниципалитета у меня не должно было быть соперников.

В венах начинает закипать злость, и я сдавливаю в руках

папку. Джокер, мать его. Появился из ниоткуда. И это охренеть, как не вписывается в мои планы. А я не люблю, когда что-то идет не по моему плану. У меня такое было только один раз в жизни, когда мне едва исполнилось 18 лет и я окончил школу. С тех пор такого больше не повторялось.

Рывком открываю папку с досье и тут же застываю, когда вижу фотографии своего нового незапланированного соперника. Такое ощущение, что мне с ноги заехали под дых.

Темноволосая девушка идёт по улице и разговаривает по телефону. На ней ярко-красный брючный костюм, на плече висит объемная чёрная сумка.

Это, черт возьми, Ирина.

Глава 6.

ЛЕВ

Вглядываюсь в ее фотографии, пытаюсь переварить информацию. Вот, значит, как. Мифический кандидат из Москвы оказался совсем не мифическим. Я хоть и не верил в его появление, но все же думал, что если такой и будет, то это окажется мужчина. Женщины в политике — редкость.

Но это Ирина.

Черт...

Вспоминаю, как она не хотела рассказывать о себе. Вот, оказывается, почему. И меня она все-таки узнала.

Смотрю досье дальше. За фотографиями следует анкета со стандартным набором биографических фактов: дата рождения, образование, все места работы и так далее. Ира училась в МГУ, затем работала в министерстве финансов и министерстве экономики. В последнем ведомстве — на должности первого заместителя министра.

Странно, что я не познакомился с Ирой раньше. Я часто бываю в Москве и общаюсь с разного рода чиновниками. Но, судя по досье, Ирина недолго проработала в качестве первого замминистра.

Далее в анкете информация про родственников. Отец — владелец юридической фирмы «Самойлов и партнеры».

Я ее знаю. Одна из самых сильных юридических компаний в России. Мать владеет строительной компанией «Капитал-Строй». Тоже знаю. Застроили человеичниками половину страны. Хотели прийти и в наш регион, но губернатор их не пропустил. Младший брат Ирины Алексей осуществляет фактическое управление строительной компанией.

Затем идет декларация о доходах Ирины. В собственности у нее трёхкомнатная квартира в Москве, автомобиль «Ауди», машиноместо и кругленькая сумма в банке. Закрываю досье и устало откидываюсь на спинку кресла.

Москва никогда ничего не делает просто так. Хотя наш город не очень большой, а в масштабах всей страны и вовсе — мелочь, я настолько сильно не нравлюсь столице, что она решила прислать своего кандидата. Боятся, что моя оппозиционная направленность распространится на всех жителей города. Это даже смешно.

И Ира тоже не так проста, как показалась мне вначале. Первым заместителем министра экономики не становятся случайно. Заместителей министра, вообще-то, премьер назначает. Соответственно, Ира проходила у него собеседование на должность, и он лично одобрил ее кандидатуру, а затем подписал постановление о ее назначении.

Быстро поднимаю крышку ноутбука и вбиваю в поисковике «Ирина Самойлова назначена первым заместителем министра экономики». Да, первая же ссылка — сайт правительства с постановлением премьер-министра РФ о ее назначе-

нии.

В мою дверь раздается короткий стук, и она тут же распадается.

— Привет, можно к тебе? — на пороге возникает Вика, мой политтехнолог.

— Да, проходи, — опускаю крышку ноутбука.

— Лев, мне это не нравится, — сходу начинает, захлопывая за собой дверь. — С чего это вдруг на наши выборы едет кто-то из Москвы?

— С того, что я очень не нравлюсь Москве, Вика. Выборы выйдут намного сложнее, чем мы изначально предполагали.

— Ну, я так не думаю, — отмахивается и опускается на диван. — Кандидата на твоё место Москва так себе выбрала, — хмыкает. — Не понимаю, где они ее отрыли.

— В министерстве экономики.

— Это понятно. Но очень странный выбор.

— Почему? Потому что девушка?

Я сажусь на диван напротив Вики.

— Ты еще не посмотрел досье?

— Посмотрел, там стандартная биографическая справка.

— Коля не вложил тебе в папку развёрнутую биографию?

— Наверное, нет.

— Ой, Лев, — смеется. — Ну это просто анекдот. 30 лет, не замужем, детей нет, карьеристка — это еще ладно. Хотя уже на таких пунктах мы ее легко уделаем. Наши местные бабы, привыкшие рожать сразу после школы, никогда не пой-

мут такого образа жизни и уж точно за нее не проголосуют. Но есть и другие интересные факты ее биографии, на которых мы можем сыграть.

— Какие?

— Во-первых, у нее чокнутая семейка.

— В каком смысле? — удивляюсь, вспоминая, кем являются родители Ирины. Я хоть с ними и не знаком, но «чокнутыми» таких людей сложно назвать.

— У нее брат и сестра поженились.

— Не понял, — оторопело смотрю на Вику.

— Идиот, Коля! Как он забыл положить тебе полную биографию! — злится. — Короче. Ее родители усыновили парня, дали ему свою фамилию. А он потом женился на дочке отца от другого брака.

Я продолжаю недоуменно смотреть на Викторию. Она нетерпеливо закатывает глаза.

— Отец этой Ирины Самойловой был женат дважды. В первом браке у него родилась дочь. Потом он женился во второй раз. Во втором браке у него родилось двое детей: эта самая Ирина и сын. Но помимо двоих собственных детей, они еще усыновили мальчика, дали ему свою фамилию и растили в семье, как родного. Так вот этот усыновлённый мальчик потом женился на девочке от первого брака.

Я на несколько секунд зависаю, выстраивая в голове цепочку генеалогического древа Самойловой.

— Но, то есть, усыновлённый мальчик и девочка — не

кровные родственники? — уточняю.

— Да, — согласно кивает. — Но кого это волнует, если они росли в одной семье и с одной фамилией? Лева, мы это легко в нашу сторону повернём! — победоносно хлопает в ладоши.

Я еще раз прокручиваю информацию в голове.

— Ну, в принципе, да. Нашему консервативному народу такое не понравится.

— Это еще не все. Ее младший брат Алексей чуть ли не оказался судим в Америке. Жестоко избил на улице человека и загремел за решетку. Правда, с пострадавшим удалось договориться о мировом соглашении, но все же парню грозил срок. Жестокое избиение — это уголовная статья в США.

Все интереснее и интереснее.

— Да и вообще вся ее семья повязана по самое не хочу с Западом, — продолжает Вика. — Мать училась в Америке, отец в Европе. Женатые брат и сестра вовсе живут в Лондоне и готовятся получить гражданство Великобритании.

Вика сидит довольная, будто я уже выиграл выборы. Все, что она сейчас озвучила, безусловно, будет играть мне на руку, но...

Раз Иру прислала Москва, значит, все не просто так.

— В общем, выставим ее как из прозападной семьи инцестников, — резюмирует Вика.

— Надо подумать, — отвечаю обтекаемо. — Я бы не спешил.

Мне вообще еще предстоит все хорошо осмыслить. Ира — это девушка, которая вскружила мне голову с первого взгляда.

Но с другой стороны, она приехала по распоряжению из Москвы по мою душу. И я не могу оставить это просто так.

— Да что тут думать, Лев? — Вика поднимается с места. — Она тебе не соперница.

Как только за Викой захлопывается дверь, я возвращаюсь за стол. Снова беру в руки папку и открываю ее. Смотрю фотографии.

Темноволосая девушка в широких солнечных очках идёт по улице и говорит по телефону. На ней ярко-красный брючный костюм, на плече висит объемная чёрная сумка.

На следующей фотографии Ира уже без очков, и я могу рассмотреть ее лицо. Сидит на скамейке в парке. Одна нога закинута на вторую, и в контрасте с белым сарафаном кожа девушки выглядит загорелой.

Вспоминаю практически обнаженное тело Иры в соблазнительном белье. Вспоминаю ее запах и вкус ее губ. Кровь моментально приливает к паху.

Ира знала, кто я. Поэтому так испугалась в машине. Ведь негоже, чтобы соперник знал о твоём ДТП и видел тебя в прозрачных трусах.

Но Ира целовала меня в ответ. И это не просто так. Ей для чего-то был нужен этот поцелуй.

Задумчиво барабаню пальцами по деревянному столу.

Уже там, в доме отдыха, Ира что-то задумала, поэтому и целовалась со мной.

Вот только что?

Глава 7.

Ирина

Это же надо было так вляпаться. Попасть в аварию на чужой машине, чуть не погибнуть и быть спасённой не кем-то, а именно Быстрицким!

В пятый раз набираю номер службы прокатов автомобилей, надеясь, что новый оператор даст мне другой ответ, нежели четыре предыдущих.

— Здравствуйте. Вы позвонили в службу проката автомобилей «Быстро». Оператор Ангелина, слушаю вас.

— Здравствуйте. Я попала в ДТП на вашем автомобиле. Очень хочу заплатить вам компенсацию.

— Как я могу к вам обращаться?

— Ирина.

— Ирина, подскажите ваше полное имя и когда вы брали автомобиль?

Я нервно шагаю по номеру отеля с трубкой у уха.

— Самойлова Ирина Максимовна. Автомобиль брала вчера в девять вечера. Но уже в районе 23:00 попала в ДТП. Меня спас проезжающий мимо водитель. Мне сказали, что машину эвакуировали.

— Минуточку, посмотрю.

В динамик раздается, как оператор стучит по клавишам.

— Да, вижу... — замолкает на несколько секунд. — Ирина, вы ничего не должны выплачивать компании.

— НО ПОЧЕМУ?????? — взрываюсь криком на всю комнату.

На том конце провода растерянное секундное молчание, а затем снова натренированный спокойный голос:

— Ирина, вы не являетесь должником компании, несмотря на то, что ДТП произошло по вашей вине. Вы ничего не должны компании «Быстро» и можете снова обращаться за прокатом автомобиля, если у вас возникнет такая необходимость. Кстати, последующие услуги нашей компании для вас абсолютно бесплатны. Я могу помочь вам чем-то еще?

— До свидания, — цежу в трубку и отбиваю звонок.

Отшвыриваю телефон на кровать и зажимаю двумя пальцами переносицу, крепко зажмурившись.

Быстрицкому это ДТП теперь будет играть на руку. Он легко сможет использовать его против меня на выборах. Вообще, конечно, Лев Быстрицкий просто поразительный человек.

Подхожу к большому панорамному окну в номере и смотрю на открывающийся с шестого этажа гостиницы вид на город. Печорск можно охарактеризовать только одним словом — депрессия.

Это город-депрессия, все жители которого — рабы Быстрицкого. Они работают на его заводе, в его магазинах, в его ресторанах, в его ночных клубах... Даже эта гостиница, в ко-

торой я остановилась, — его. Весь город принадлежит только одному человеку — Льву Быстрицкому. Эдакий местный барин, у которого во владении 300 тысяч крепостных душ.

И что самое интересное, так это то, что люди его реально любят. Я две недели здесь. Специально приехала пораньше, чтобы навести про Быстрицкого справки, поговорить о нем с местными жителями. Его любят.

«Лев Александрович создаёт для нас рабочие места. Если бы не он, даже не знаю, где бы мы все работали», сказала мне горничная в этом отеле.

«Лев Александрович каждый год повышает нам зарплату», заявил мне с гордостью рабочий завода Быстрицкого.

«Я работаю кассиром в супермаркете Льва Александровича и получаю больше, чем моя подруга, которая работает кассиром в сетевом супермаркете в соседнем городе», похвасталась мне сотрудница магазина Быстрицкого.

«Поскорее бы уже Лев Александрович стал мэром. Надеюсь, дороги нам отремонтирует и детские площадки построить», сказала мне девушка с коляской в парке.

Мне будет сложно обойти Быстрицкого, но я должна. Победа на этих выборах — главное условие для того, чтобы меня вернули в Москву на нормальную должность. У меня сейчас что-то типа испытательного срока. Справлюсь — будет мне нормальная карьера в Москве. Не справлюсь — спишут меня на периферию.

Опускаюсь на кровать и тру уставшие глаза. Пора наби-

рать команду. Мне нужны пиарщики, политтехнологи, имиджмейкеры и кто там еще готовит кандидатов на выборы. Нужно продумать мне образ, предвыборную программу и, конечно, обещания. Ведь люди так любят, когда их кормят обещаниями.

Снова беру в руки телефон и звоню министру экономики РФ, своему бывшему начальнику, другу и первой любви в одном лице.

— Алло, — слышу голос Ярослава через несколько гудков.

— Привет, — улыбаюсь в трубку.

— Привет, — чувствую, как и он улыбается. — Не надумала возвращаться обратно? Мне все еще требуется первый заместитель.

— Первый заместитель министра экономики — это пройденный этап в моей жизни.

— Ну да, мэром ты у нас еще не была, — говорит, хохотнув.

— Яр, мне нужна твоя помощь.

— Что такое? — тут же серьёзнеет.

— Мне нужна команда профессионалов, которая подготовит меня к выборам. Продумает мне имидж, стратегию и так далее. У меня есть идеи, но для их реализации мне нужны профессиональные пиарщики и политтехнологи.

На том конце секундная пауза.

— Да, думаю, я смогу подогнать тебе такую команду.

— Буду очень ждать. Мне надо уже сейчас.

— Я понимаю. Да, у меня есть такие люди. Я свяжусь с ними сегодня же.

— Спасибо тебе большое, — говорю с благодарностью. — Как ваши дела? Как Алена?

— У нас будет мальчик!

— Вау! Круто! — искренне радуюсь за друга. — Поздравляю!

— Спасибо, Ир. Ладно, мне пора на совещание. Вечером я тебе позвоню по поводу команды.

— Хорошо, спасибо.

Кладу трубку и падаю на кровать. Рассматривая белоснежный потолок, вспоминаю Быстрицкого.

А он галантный джентльмен. Спас на дороге беззащитную девушку, обогрел, накормил ужином, помог. Он абсолютно точно и бесповоротно шикарный и умопомрачительный мужчина, от которого очень легко потерять голову с первой секунды знакомства. И целуется он, как Бог.

Я бы совершенно точно влюбилась во Льва прямо там на дороге, если бы не эти выборы. Ну и если бы не знала о нем самого главного.

Лев женат.

Он женился на своей однокласснице в 18 лет, спустя три месяца после окончания школы. Через полгода после свадьбы у них родился сын. Нетрудно догадаться, что их свадьба была по залёту. Алина Быстрицкая не работала ни одного

дня в своей жизни. Сейчас она счастливая жена самого богатого человека в городе, занимается благотворительностью, помогает приютам для собак и домам престарелых.

Подскакиваю с кровати и направляюсь к ноутбуку за столом. Поднимаю крышку и принимаюсь по десятому кругу листать фотографии Льва и Алины Быстрицких с публичных мероприятий. Вот летом они на благотворительной акции по посадке деревьев в парках. Госпожа Быстрицкая в платье от «Шанель» и туфлях от «Диор» неумело пытается засыпать землей, засунутое в ямку дерево.

А вот Лев и Алина Быстрицкие вместе со своим шестнадцатилетним сыном Арсением на открытии ледового дворца в Печорске. Ледовый дворец, конечно же, принадлежит Быстрицкому, кому ж еще. Алина держит под руку мужа и счастливо улыбается объективам фотокамер. Их сын тоже силится улыбнуться на камеру.

На следующей фотографии Лев с обожанием и восхищением смотрит на свою прекрасную супругу. У нее идеально гладкие светлые волосы, выразительные карие глаза и накаченные силиконом губы.

Ну просто идеальная семья.

Вот только на самом деле она фиктивная. Теперь я в этом не сомневаюсь.

Самое первое, что вызвало у меня большие подозрения, когда я стала копать на Быстрицкого, — это то, что Лев весь свой бизнес переписал на двоюродных братьев, а не на жену.

Когда предприниматель идет в политику, обычно все свое состояние он переписывает на супругу и на совершеннолетних детей. Сыну Быстрицкого еще 16 лет, значит, он должен был абсолютно весь свой бизнес переписать на жену.

Но Алина Быстрицкая не имеет ровным счётом ничего. У нее в собственности только дом, доставшийся ей от родителей. Лев не переписал на нее ни один даже самый чмошный магазин. Абсолютно весь свой бизнес он передал двоюродным братьям.

Он что, доверяет им больше, чем собственной жене, на которой женат вот уже семнадцать лет и с которой растит сына???

Есть и еще кое-что. Через год после того, как у Быстрицких родился сын, Лев ушел в армию. Взял академотпуск в институте, оставил жену с годовалым ребенком, у которого зубки и колики, и пошел служить в армию. Вернулся из армии и продолжил учиться в институте.

Все вместе это казалось мне подозрительным с самого начала. Но все же я не могла до конца поверить, что Лев вот так просто, без малейшего зазрения совести может изменить своей жене с первой встречной на дороге девушкой. Я думала, он со мной играет, флиртует... Но Лев на самом деле меня поцеловал и был готов пойти дальше.

Поцелуй выбил у меня почву из-под ног. На несколько секунд я действительно растворилась в нем. До сих пор по коже пробегает волна мурашек, когда вспоминаю, как Лев ме-

ня целовал.

Так, Ира, соберись. Не забывай, зачем ты позволила Быстрицкому тебя целовать и целовала его в ответ. Чтобы убедиться, что у него фиктивный брак и он изменяет своей жене.

А теперь дело за малым: отыскать его обиженных любовниц и вывести их в свет. Посмотрим, как разрушенный имидж идеального семьянина, любящего мужа и отца ударит по рейтингу Быстрицкого. А то что-то слишком много людей в городе его поддерживают. Надо это исправить.

Глава 8.

Лев

Возвращаясь вечером домой из штаба, снова погружаюсь в мысли об Ирине. Ни идеи, что теперь с ней делать. Я не могу игнорировать тот факт, что она приехала из Москвы по мою душу. Наверное, меня могла бы греть мысль о том, что мою кандидатуру поддерживает 90% населения города, но Москва никогда не делает ничего просто так.

Моим основным соперником на выборах станет Ирина, и уступать ей я не намерен. Не для того я столько лет готовился к этим выборам.

Но воспоминание о нашем знакомстве, ужине и поцелуе все равно приятно греет изнутри. Губы сами собой расползаются в улыбке, когда я мысленно возвращаюсь обратно в дом отдыха.

И все-таки Ирина до умопомрачения красива, и устоять перед ней невозможно...

Сам не замечаю, как за воспоминаниями подъезжаю к своему дому. У меня трехэтажный коттедж на окраине Печорска, в частном секторе. Ворота автоматически открываются, и я заезжаю во двор. Паркую свой «Мерс» рядом с белым «Каеном» Алины и захожу в дом. Свет на первом этаже горит только в одном помещении — на кухне. Туда и иду.

Встав в дверном проеме, наблюдаю картину маслом: моя жена, закинув ноги на стол, в одной руке держит стакан с коньяком, а во второй тонкую сигарету.

— О! Мой любимый муж вернулся, — произносит с сарказмом и затягивается сигаретой.

От одного вида пьющей жены меня начинает воротить. Я давно понял, что женский алкоголизм не лечится. Не помогли никакие клиники: ни в России, ни в Европе, ни в Америке. Каждый раз Алина обещала мне бросить пить и каждый раз, возвращаясь после терапии, хваталась за бутылку снова.

Ничего не отвечая, я прохожу к раковине и принимаюсь мыть руки.

— Я слышала, на выборы зарегистрировался новый кандидат из Москвы, — продолжает пьяным голосом с издевкой. — Упс, к нам приехал ревизор.

Закрываю кран, вытираю руки полотенцем и поворачиваюсь к жене.

— А ты и рада, — констатирую.

Алина залпом допивает оставшийся в ее стакане коньяк. Меня всегда поражало, как она пьет крепкий алкоголь и даже не морщится.

— Что, Лёва, ситуация выходит из-под контроля, да?

Алина пьяно смеется и наливает в стакан новую порцию. Делает еще глоток, затем затягивается сигаретой. Мне настолько омерзительно смотреть на собственную жену, что, кажется, стошнит прямо здесь и сейчас.

— После выборов я с тобой разведусь, — произношу твёрдо и уверенно.

Издевку с лица Алины, как рукой снимает. Она вмиг становится серьезной. О, да. Это же ее самый большой страх — если я от нее уйду. Как Алина меня только не шантажировала семнадцать лет нашего брака: сначала своим отцом-прокурором, потом ребенком, потом тем, что что-то с собой сделает. Я не верил. Но когда первый раз подал на развод, она наглоталась таблеток. Еле откачали.

Вот и сейчас ее пьяные глаза начинают лихорадочно блестеть. Алина тушит сигарету, ставит на стол стакан с коньяком и поднимается на ноги. Последнее получается с трудом, учитывая, что она выпила полбутылки.

— Как ты вообще смеешь заикаться о разводе после того, как испортил мне всю жизнь?

— Ну, кто из нас кому жизнь испортил — это спорный вопрос. Я тебя на себе силой не женил.

— Я забеременела, и в этом была не только моя вина, но и твоя тоже!

— Я никогда не отказывался от своего сына и принимал в его воспитании намного больше участия, чем ты. Пока ты шлялась с подружками по ночным клубам и танцевала там на барных стойках, я читал ему сказки на ночь. Поэтому я решил скупить все ночные клубы в нашем городе: чтобы тебя в них больше не пускали.

Последняя фраза, конечно же, не правда. Покупал клубы

я не из-за Алины. Но завладев всеми увеселительными заведениями в Печорске, я действительно отдал приказ не пускать в них мою жену ни днем, ни тем более ночью.

— Видишь, ты стал олигархом, благодаря мне, — взмывает вверх указательный палец. — Если бы не я, ты так бы до сих пор и оставался никем. Разгружал бы вагоны. Это то будущее, которое тебя ждало без меня.

Этот пьяный бессмысленный разговор мне уже порядком надоел.

— Алина, я подам на развод сразу после выборов, — повторяю устало. — Все. С меня хватит.

Она медленно качает головой.

— Если я открою рот, — цедит, опираясь на стол. — То ты никогда не выиграешь эти выборы.

— И что же ты всем расскажешь? — выгибаю бровь. — Что ты алкоголичка? Это, конечно, ударит по моему рейтингу, но, думаю, не смертельно.

— Я найду, что про тебя рассказать, — зло скалится. — Я семнадцать лет твоя жена, я всё про тебя знаю, Лев. Всё-всё, — многозначительно говорит.

Отрываюсь от раковины и медленно направляюсь к жене. Не спеша, обхожу прямоугольный стол и подхожу к ней вплотную. Беру за плечи и хорошенько встряхиваю. Она миг трезвеет и тарашится на меня испуганными глазами.

— Если ты откроешь рот, — цежу ей в лицо. — Я оставлю тебя без копейки. Можешь забыть о красивой жизни, кото-

рую ты так любишь. Больше не будет ни европейских курортов, ни яхт, ни эксклюзивного брендового шмотья. Придется выйти на работу. Только не забывай, что у тебя нет даже высшего образования, и работать в Печорске ты будешь на меня. В одном из ресторанов как раз была вакансия уборщицы. Пойдешь мыть туалеты.

— Не дождёшься. У нас несовершеннолетний ребенок, и закон на моей стороне.

— Закон на стороне того, у кого больше денег. А теперь немедленно иди в свою комнату и приведи себя в порядок. На тебя тошно смотреть. Завтра мы вместе поедем в детский дом, где ты будешь играть и рисовать с детьми, улыбаясь всем камерам. И только попробуй сделать хоть что-то лишнее. Ты поняла меня?

— Да пошел ты, — зло выплевывает. — Я посажу тебя.

Давно я не слышал эту угрозу. Даже соскучился.

— Кажется, ты забыла, что твой папаша-прокурор давно гниет в могиле. Да и мне уже не двадцать лет, чтобы я велся на подобную угрозу. Шантажировать меня тюрьмой больше не выйдет. И шантажировать ребенком тоже не выйдет, у Арсения есть свои мозги. А если ты решишь снова наглогаться таблеток, то рецептурные психотропные в ванной на третьем этаже в белой тумбочке. Приятного аппетита.

Я отталкиваю от себя Алину и стремительно направляюсь на выход из кухни.

— Я НИКОГДА НЕ ДАМ ТЕБЕ РАЗВОД, — летит мне в

спину истошный крик, а затем сменяется пьяным плачем.

Глава 9.

Ирина

— Наши маркетинговые замеры и соцопросы показывают, что абсолютное большинство населения Печорска придерживается традиционных патриархальных взглядов: школа, институт, женитьба, дети. Основные интересы жителей города — семья и дом. Нам нужно выстраивать ваш имидж и образ, исходя из этих данных, — говорит мой политтехнолог Андрей Мельников.

Задумчиво тру висок и делаю глоток остывшего кофе. Команда пиарщиков и имиджмейкеров, которую мне подогнал Ярослав, действительно профессиональна. За считанные дни они провели замеры аудитории и получили много интересной информации. Правда, за несколько недель нахождения в Печорске я и сама поняла, что у местного населения вся жизнь крутится только вокруг семьи и детей.

Мы находимся в двухэтажном здании, которое я арендовала под свой штаб. Раньше это был какой-то офис, потом он закрылся. Здесь остались кабинеты, переговорные комнаты, мебель.

— У меня нет семьи и детей, — наконец, говорю, разводя руками. — Мне почти тридцать лет, я не замужем. Так что не понимаю, как можно выстроить мой имидж вокруг инте-

ресов жителей города.

— Наш соцопрос еще кое-что показал, — Мельников многозначительно на меня смотрит.

— Что?

— Шестьдесят процентов жителей города недовольны своей жизнью и думают, что она могла бы сложиться лучше. Особенно велик процент недовольных своей жизнью среди замужних женщин в возрасте 35-50 лет. Среди основных ошибок своей юности они называют ранний брак.

А вот это уже интересно.

— И что это значит? — спрашиваю, затаив дыхание.

— Что мы можем попробовать сыграть на вашем образе сильной и независимой женщины. Мы можем представить вас как женщину, которой они все хотели бы стать, но не стали. Вы, Ирина, — их несбыточная мечта. Вам почти тридцать лет, а у вас прекрасная фигура, вы модно одеваетесь, красиво выглядите. И самое главное — вы не зависите от мужчины, — Андрей делает на этом акцент. — Вы свободная и самостоятельная. Именно зависимость от мужа угнетает большинство опрошенных нами женщин. Половина из них ответила, что не разводится только потому, что некуда уйти от супруга. Еще тридцать процентов сказали, что им есть куда уйти от мужа, но они не смогут сами содержать детей. Ирина, на подсознательном уровне женщины Печорска хотели бы быть такой, как вы. Мы можем бить в эту точку.

Политтехнолог от Ярослава внушает доверие. Ранее он

работал на выборах в Госдуму, а также на парочке губернаторских. У Мельникова безукоризненная репутация, все его подопечные выигрывали выборы с большим отрывом от конкурентов. Ему сорок лет, но выглядит моложе. Кольца на пальце нет.

Впрочем, у Быстрицкого тоже не было кольца на пальце, вдруг вспоминаю. Память отбрасывает меня назад в дом отдыха, когда мы целовались, а потом ужинали. Под внимательным взглядом Льва у меня подрагивали пальцы с приборами в руках. А потом я еще полночи не могла уснуть, ощущая прикосновения его мягких теплых губ к своим.

— А что насчет Быстрицкого? — спрашиваю у Мельникова, задумчиво барабанив длинными ногтями по деревянной поверхности стола. — У него какой образ?

— У него классический: русский, православный, женат, есть ребенок, в армии служил.

— Ну просто идеальный кандидат! — ухмыляюсь.

— Да, так и есть, — кивает головой политтехнолог. — В скандалах не замешан, примерный семьянин, успешный предприниматель, коренной уроженец Печорска. Для людей он свой в доску. А вот вы для них чужая и непонятная. Ну ничего, мы это исправим.

Встаю из-за стола и медленно направляюсь к окну. Уже стемнело, половина фонарей в городе не горит. Под толстым слоем снега разбитые тротуары. А каждое утро тысячи жителей Печорска идут с несчастными лицами на работу.

Работу, которую дал им Быстрицкий.

Его любят. Его боготворят. Но правда такова, что вся работа, которую Быстрицкий создал для жителей города, делает их несчастными. Они не хотят идти на завод и становиться у станка. Они не хотят идти в магазины и раскладывать продукты на полки. Они не хотят садиться за руль такси «Быстро» и ездить по вызовам.

Печорск — это город глубоко несчастных людей. И да, они хотели бы для себя другой жизни. Свободной и независимой. Жизни с глянцевой обложки.

Интересно, а сам Лев счастлив? Или он такой же, как и все остальные триста тысяч населения?

Стал бы счастливый мужчина изменять своей жене?

— Остальных трех кандидатов помимо Быстрицкого, — мои размышления прерывает голос политтехнолога, — можно даже не брать в расчет. Там два местных депутата и один бывший глава муниципалитета. Они лишь видимость альтернативы Быстрицкому. У них ноль шансов.

Разворачиваюсь корпусом к Мельникову.

— Как вы планируете мочить Быстрицкого?

— Еще не думали об этом. Надо что-то на него нарыть.

— Он изменяет своей жене, — произношу пылко.

Политтехнолог удивленно хлопает глазами.

— Точно?

— Да.

— Откуда вы знаете?

— От достоверного источника, — решаю не говорить правду.

— Если это так, то замечательно, — Мельников загорелся энтузиазмом. — Его образ примерного семьянина мы разобьем в пух и прах. Надо только подумать, как именно.

— Подумайте.

— Так, и насчет завтрашнего дня. Спичрайтер подготовил вам речь, — Мельников переводит тему.

Шумно выдыхаю. Центральная избирательная комиссия закрыла прием заявок от желающих пойти на выборы мэра. Завтра все зарегистрированные кандидаты предстанут перед горожанами на центральной площади. Нужно будет презентовать себя перед людьми, сказав короткую речь в микрофон.

Это будет мой первый выход в свет как кандидата на выборы мэра. И моя первая встреча с Быстрицким после той ночи.

Глава 10.

Ирина

— Все готово, — объявляет визажист и разворачивает меня к зеркалу.

На моем лице едва заметный нюдовый макияж, волосы собраны в ракушку. Я сижу в так называемой гримерке, выделенной мне в Доме культуры Печорска. Через полчаса нужно выходить на сцену на улице и представлять себя жителям города. Мороз где-то в районе минус двадцати, а люди уже собираются на площади.

— Спасибо.

Девушка незаметно удаляется, а я беру в руки свою речь и принимаюсь снова ее перечитывать. Испытываю легкое волнение. И это странно, ведь на самом деле меня не испугаешь публичными выступлениями.

Я выступала с речью в десятом классе на выборах президента школы. Затем я выступала с речами в университете на выборах президента факультета, а затем и всего МГУ. Я умею держаться перед публикой, я умею отвечать на острые вопросы, я умею убеждать.

Но почему-то перспектива оказаться через полчаса на сцене перед жителями Печорска разгоняет по крови легкий страх. А как подумаю, что я буду не одна, а с другими кан-

дидатами, один из которых Быстрицкий, так и вовсе дурно становится.

«Соберись, тряпка!», приказываю себе.

Но как я ни пытаюсь сконцентрироваться на речи, не получается. Скорая встреча с Быстрицким не даёт покоя. Как мне себя вести? Сделать вид, что мы незнакомы? Или сухо поздороваться и отвернуться? Надеюсь, зная теперь, кто я на самом деле, он сам не захочет со мной разглагольствовать. Все-таки одно дело — голая незнакомка на дороге, а совсем другое — твой соперник на выборах.

За десять минут до начала выступления я поднимаюсь с крутящегося кресла и еще раз оглядываю себя в зеркало. На мне строгий брючный костюм темно-синего цвета, сверху будет норковая шуба до колена. Я долго размышляла, какую верхнюю одежду надевать: дорогую шубу или простой пуховик. Все-таки выйти в мехах к людям, зарплата которых меньше, чем стоимость набоек на моих сапогах, — не лучшая идея.

Но, зараза, здесь очень холодно! Просто околеть можно. А со сцены нельзя будет уйти, пока не выступят все кандидаты. И фиг его знает, на сколько они затянут свои речи. Достаточно того, что я буду без шапки.

Надеваю шубу, плотно ее застегиваю и выхожу за дверь. Но и двух шагов сделать не успеваю, как распахивается следующая по коридору дверь и появляется... Быстрицкий.

От неожиданности я замираю. Он тоже. Но всего лишь на

секунду, потому что уже в следующее мгновение бровь Льва взмывается вверх, а лицо принимает игривое выражение.

— Ирина Максимовна! Какая встреча! — восклицает. В его тоне отчетливо слышится ирония.

Я набираю в грудь побольше воздуха, растягиваю губы в такой же издевательской усмешке, как у Льва, и делаю несколько шагов ему навстречу.

— Добрый день, Лев Александрович, — цежу с улыбкой сквозь зубы.

— Рад снова вас видеть.

— Не могу сказать, что это взаимно.

Лев издаёт смешок и пробегается взглядом по-моему лицу. Мы стоим довольно близко друг к другу, наверное, в полуметре. Нос вдруг улавливает его запах: такой же, как в доме отдыха, когда мы целовались. Тогда мои легкие наполнились его ароматом до предела, и на ничтожную долю секунды я оторвалась от реальности.

— Вы тепло одеты? — Быстрицкий придиричиво оглядывает меня сверху вниз и обратно. — Трусы, надеюсь, в этот раз на вас — не прозрачные две ниточки? А то отморозите себе самые важные места, а вам еще рожать...

Возмущение приливает к моему лицу горячей кровью. Я чувствую, как полыхают щеки и уши. Открываю рот, чтобы ответить на наглое заявление Быстрицкого, но слова застревают в горле комом.

— Если что, я прихватил для вас тёплые трусы с начесом.

Заехал по дороге на один из своих рынков. Надо?

У меня рука чешется — так сильно я хочу залепить Быстрицкому пощёчину. Его глаза смеются, на физиономии насмехательское выражение, и это злит меня еще больше.

— Почему бы вам ни приберечь эти трусы для вашей жены? — буквально выплёвываю.

Из насмехательского лицо Быстрицкого вмиг становится кислым, будто он лимон проглотил.

— Или для ваших любовниц, — продолжаю.

— У меня нет любовниц, — тут же отвечает.

— Да? — округляю удивленно глаза. — То есть, человек, который не изменяет своей жене, просто так берет и целует первую встречную девушку? И делает это настолько легко, как будто поцеловать кого-то за спиной у жены — это все равно что почистить зубы.

— И зачем ты целовала меня в ответ, если знала, кто я? И знала, что я женат? — сейчас Лев серьёзен. Я бы даже сказала, напряжен.

Придвигаюсь к нему вперед и тихо говорю на ухо:

— Чтобы убедиться, что ты изменяешь жене. Упс, примерный семьянин Лев Быстрицкий, который со своей женой со школьной скамьи, не такой уже и примерный.

Ответом мне служит тихий смех над моим ухом.

— И что? Ты правда думаешь, что сможешь обойти меня, если расскажешь, что я якобы изменяю своей жене? Ты правда думаешь, что из-за этого люди за меня не проголосу-

ют?

В этом Быстрицкий, черт возьми, прав. Если народ узнает о его изменах, это, конечно, подмочит его репутацию, но не настолько, чтобы люди отказались за него голосовать. Все-таки он им тут работу создал.

— Это мой город, Ира, — продолжает и вдруг кладёт ладонь мне на талию. — Зря ты приехала.

Между его рукой и моей кожей толстая шуба, пиджак и рубашка, а я все равно чувствую, как начинает гореть бок.

Я слегка отстраняюсь назад и заглядываю Быстрицкому в лицо.

— Я тебя обойду, — говорю твёрдо.

Лев слегка качает головой.

— Нет.

— Ты не знаешь, на что я способна.

— А ты не знаешь, на что способен я.

Это правда. Я не знаю, на что способен Быстрицкий, но человек, который подчинил себе весь город, очевидно, способен на многое.

— Передай своим боссам в Москве, которые тебя сюда прислали, что черта с два у них получится подмять наш город и наш регион.

Лев переместил ладонь с моей талии на поясницу, и сейчас, как будто бы, слегка обнимает меня.

— Рад был снова тебя увидеть, Ира, — Лев неожиданно касается губами моей щеки. — Поужинаем как-нибудь?

Этот едва ощутимый, но все же поцелуй в щеку, будто молнией меня простреливает. Я быстро сбрасываю с себя руку Быстрицкого и, обойдя его, направляюсь к выходу на сцену.

Глава 11.

Ирина

На площади собралось достаточно много людей. Им всем заняться, что ли, больше нечем в такой мороз? Сидели бы по домам со своими семьями, и нам всем не пришлось бы тут мерзнуть.

Но мужчины и женщины в толстых пуховиках и шапках выстроились целой толпой. Как только мы вышли на сцену, нас поприветствовали бурными аплодисментами, а затем все дружно начали скандировать: «Лев! Лев! Лев!». Не знаю, как другим кандидатам, но лично мне стало не по себе. Быстрицкий же расплылся в самой слащавой улыбке, какой только мог.

Первым к микрофону подходит бывший депутат местного парламента Осипов Федор Емельянович — мужчина пенсионного возраста, с густыми усами и несколькими десятками лишних килограммов. Впрочем, как и полагается депутату.

— Дорогие граждане! — начинает громким басом. — Я рад сегодня находиться здесь с вами...

Его речь полна банальностей и штампов из серии «Вместе сделаем наш родной город лучше». Осипов еще все время поднимает вверх правую руку со сжатым кулаком. Мол, только вперед! Если бы не было так холодно, я бы, честное

слово, уснула.

— Замерзла? — раздается над моим ухом тихий голос Быстрицкого.

Я аж дергаюсь от неожиданности. Он стоял в паре метров от меня, а я даже не заметила, как приблизился.

— Хочешь предложить мне трусы с начесом? — так же тихо отвечаю, смотря прямо перед собой.

— Могу согреть тебя собственными руками.

Как только Быстрицкий это произносит, по телу тут же прокатывается волна жара, несмотря на почти тридцатиградусный мороз.

— Прибереги тепло своих рук для любимой жены, — це-жу.

Осипов наконец-то заканчивает свою скучную речь (типичную депутатскую) и к микрофону выходит второй кандидат. Тоже бывший депутат парламента региона.

Криворуков Степан Андреевич оправдывает свою фамилию, потому что у него вываливается из рук микрофон. Он падает на сцену, и колонки тут же издают громкий протяжный скрип, от которого все морщатся. Чертыхнувшись, Криворуков наклоняется за микрофоном, но едва удерживает равновесие.

И в этот момент я понимаю, что он пьян.

— Уважаемые граждане... — начинает слегка заплетающимся языком.

— Он что, пьяный!?! — спрашиваю возмущенным шепотом.

том у Быстрицкого.

— Да, он запойный.

Этот ответ вынуждает меня повернуть голову ко Льву. Должно быть, в моих глазах читаются изумление и ужас, потому что Лев безмятежно парирует:

— А что тебя удивляет?

— То, что он вышел пьяным к избирателям.

Быстрицкий безразлично пожимает плечами.

Боже... Ну и цирк. Но таких, как Осипов и Криворуков, мне будет не сложно обойти, хоть они и давно знакомы людям, а я появилась из ниоткуда.

— Ты так и не ответила мне насчет ужина, — тихо шелестит голос Быстрицкого.

Хмыкаю.

— Поужинай с женой.

Лев недовольно цокает.

— Ты теперь все время будешь тыкать мне женой?

В груди начинает закипать злость. Просто поразительный мужчина! При живой жене имеет наглость куда-то меня приглашать. И ладно, на дороге Лев думал, я не знаю, что он женат. Но сейчас ведь он знает, что я знаю!

— Ты считаешь это нормальным? — шиплю. — При живой жене приглашаешь постороннюю девушку ужинать. И не просто девушку, а своего соперника на выборах.

— Ну ты мне не соперница.

Эти слова задевают меня до глубины души. Как будто я

какая-то мелкая букашка. То есть, пьяный Криворуков для него соперник, а я нет?

— Не обижайся, — угадывает мое настроение. — Ты слишком прекрасна, чтобы с тобой соперничать.

— Прибереги комплименты для жены, — цежу. — Ни на какой ужин я с тобой не пойду. И очень скоро ты поймешь, что у тебя только один соперник, — я.

Быстрицкий тихо смеется.

— Ты когда-то своей жене клялся в любви и верности, — продолжаю. — Не держишь слово. И как ты собрался быть мэром? Наобещаешь сейчас людям с три короба и тоже не сдержишь.

Лев не отвечает. В этот момент Криворуков заканчивает выступать. Теперь очередь третьего кандидата — бывшего главы одного из муниципалитетов региона Афанасьева Эдуарда Андреевича. Если первые двое депутатов сами сдали свои мандаты, чтобы пойти на выборы мэра, то этот был уволен со скандалом. Кажется, сорвал сроки строительства дорог.

Афанасьеву чуть больше сорока лет, и держится он не плохо. Выглядит мужчина довольно приятно. Нет обвисшего брюха и второго подбородка, как у депутатов.

— Моя главная задача на посту мэра — благоустройство города: строительство парков, зон отдыха, детских площадок...

— А дороги будут построены? — выкрикивает кто-то из

толпы.

Афанасьев на секунду теряется, понимая, на что намекают.

— Дороги тоже обязательно будут... — растерянно бормочет в микрофон.

По толпе проходит волна смеха. Афанасьев вконец тусуется и сворачивает свое выступление очень быстро. Спасибо ему за это. Я уже замёрзла.

Четвёртым к микрофону должен выйти Быстрицкий. Не успевает Афанасьев вернуться на свое место, а Лев сделать шаг вперед, как толпа начинает реветь и свистеть, приветствуя его. Мне снова становится не по себе. То, как люди его поддерживают, ощущается кожей.

— Привет, Печорск! — радостно восклицает Лев в микрофон.

Свист, визг и аплодисменты усиливаются. Затем кто-то снова начинает скандировать: «Лев! Лев! Лев!», а остальные подхватывают. Это длится, наверное, с минуту или даже больше. Ей-богу, не удивлюсь, если вся толпа описалась кипятком от счастья, что перед ними стоит Быстрицкий!

Как только поросячий визг наконец-то стихает, Лев принимается говорить:

— Знаете, меня тут недавно одна девушка обвинила в том, что я не выполняю своих обещаний, — по толпе проходит волна смеха, а я напрягаюсь.

Это он меня имеет в виду???

— И я подумал: а зачем вообще нужны обещания? Ну вот я иду на выборы мэра, что я должен вам пообещать? Стандартный набор: новые светофоры, отремонтированные тротуары, парки, скверы... Что там еще обычно обещают перед выборами?

— Обновление общественного транспорта! — выкрикивает кто-то из толпы.

— Да, точно, новые автобусы и маршрутки.

— Пандусы! — громко говорит женщина.

— Да, пандусы.

— Отлов бродячих собак!

— Да, строительство приютов для бездомных животных, — соглашается Быстрицкий.

Я вглядываюсь в спину Льва и вслушиваюсь в каждое его слово, позабыв, что уже околела от холода. Он планировал эту речь или сочиняет на ходу? Учитывая, что Лев начал с девушки, которая обвинила его в невыполнении обещаний, он импровизирует.

Мне становится не по себе. Что он задумал? Почему он не выступает с обычной формальной речью, как три предыдущих кандидата?

— Но я не буду обещать вам ничего из этого, — провозглашает Быстрицкий, а толпа удивленно затихает. — Вместо обещаний я хочу задать вам несколько вопросов. Помните финансовый кризис восемь лет назад, когда рубль обвалился к доллару в два раза, а то и больше?

— Дааа, — хором отвечают.

— Помните, как тогда из телевизоров по всем каналам трубили о рекордной инфляции в стране?

— Дааа.

— А в моих магазинах цены выросли?

— Нееет!

Я закатываю глаза. Ну какой рыцарь! Торговал себе в убыток. Закупочные цены-то резко подскочили у всех производителей товаров.

— Непрерывно из года в год в России в среднем по стране снижаются доходы населения, — продолжает Быстрицкой.

— Инфляция съедает зарплаты. Что происходит с зарплатами на моих предприятиях?

— Растууут! — кричит толпа.

— Да, каждый год я нахожу возможности повышать зарплаты сотрудникам всех своих компаний. Каждый год я нахожу возможности модернизировать свои производства, улучшать качество рабочих мест, выделять гранты для поездок детей сотрудников в летние лагеря и так далее и тому подобное. Но разве я когда-то обещал вам все это заблаговременно?

В толпе тишина. На их лицах изображён глубокий мыслительный процесс, видимо, пытаются вспомнить.

— Нет... — подаёт неуверенный голос женщина в первых рядах.

— Вот именно, — кивает Быстрицкий. — Я ничего не

обещал вам заблаговременно, но я брал и делал. Пока все обещают, я делаю. И я не буду ничего вам обещать сейчас. Зачем? Вы достаточно обещаний слышали от всех предыдущих мэров вместе взятых. Но в отличие от всех них я буду делать. Не обещать, — Лев поднимает вверх указательный палец, — а делать. Так же, как я делал, а не обещал, раньше.

Быстрицкий порывается сказать что-то еще, но его тут же перебивают бурные аплодисменты, свист, восторженные крики. Кто-то поднял вверх ватманы с надписями «Team Bystritskiy», «Наш выбор — Быстрицкий», «Лев, ты ♥#♥#♥#». Плакат с сердечками, кажется, держат девушки лет восемнадцати.

Я чувствую, как у меня слабеют ноги. Довольный Быстрицкий вставляет микрофон на место и делает несколько шагов назад. Теперь моя очередь выступать.

Боже...

Делать это после Быстрицкого особенно сложно. Ему рукоплескают и выкрикивают слова поддержки. Зачем им после него какая-то незнакомая Ирина Самойлова?

Но я собираю волю в кулак и делаю уверенные шаги к микрофону. Завидев меня, толпа стихает. Пялится удивленно, а затем я замечаю, как с дальних рядов люди начинают расходиться. Вот просто разворачиваются и уходят! Как будто им здесь больше нечего делать, всех важных они уже послушали. А я так, никто.

— Всем добрый день, — начинаю уверенно в микрофон

и пытаюсь растянуть замерзшее лицо в улыбке. — Меня зовут Ирина Самойлова, и я являюсь кандидатом в мэры Печорска.

— Пффф, баба у руля, — фыркает мужик в первом ряду.

Я осекаюсь. Мужчины рядом подхватывают, говоря: «Да, да, баба, фу», и хихикают.

Все, что я собиралась сказать, пулей вылетает из головы. Я стою, как облитая помоями. Мое молчание затягивается, с задних рядов разворачивается еще пара десятков человек, а отдельные группы людей, не стесняясь, смеются надо мной. В основном, конечно, мужчины.

— Да, я женщина, — наконец, говорю и сама удивляюсь твердости своего голоса. — Вот принято считать, что женщина — это слабый пол. Женщине нужно подавать руку, открывать дверь, уступать место в транспорте. Когда вы последний раз подавали женщине руку? — спрашиваю у того, кто назвал меня бабой у руля.

Молчит со скептическим выражением лица.

— Так я и думала, — выношу вердикт. — Никогда. Знаете, а мне тоже мужчины никогда не подавали руку, не открывали передо мной дверь и не уступали мне лучшее место. А разве я не женщина? В царской России у женщин вообще не было никаких прав. Даже паспортов у женщин не было. Жена была вписана в паспорт мужа. Но при этом российская история знает великих императриц, изменивших ход истории: Екатерину Вторую, Елизавету Петровну... Они были,

как вы выразились, «бабами у руля».

Мужчины затихли. Я вдруг понимаю, что произношу совсем не ту речь, которая была для меня заготовлена моим спичрайтером. Но я не могу уже оборваться на полуслове. Да и не хочу. Меня слишком задела «баба у руля» от небритого мужика с пивным животом.

— Екатерина Вторая была «бабой у руля» больше тридцати лет. При ней значительно выросло население России, были построены сотни новых городов, казна увеличилась в несколько раз, стремительно развивались промышленность и сельское хозяйство. Именно тогда Россия впервые начала экспортировать хлеб. При «бабе у руля» Екатерине Второй в результате русско-турецких войн Россия окончательно закрепилась на Черном море и завоевала множество территорий.

Вы вот очень любите и гордитесь своим местным бизнесменом, моим оппонентом на выборах Львом Александровичем Быстрицким, — я поворачиваю к нему голову. Лев смотрит на меня, скрестив руки на груди. Довольно сосредоточен, слушает внимательно. — Лев очень успешный предприниматель. А знали ли вы, что импульс к развитию предпринимательства в России дала «баба у руля» императрица Елизавета Петровна? Она отменила внутреннюю таможенную. Не знали? — сейчас я уже смотрю не на мужика, а на всю притихшую толпу. Снова поворачиваю к Быстрицкому голову: — Лев Александрович, вы обязаны своим успешным

бизнесом «бабе у руля» императрице Елизавете Петровне, — обращаюсь к нему, как бы в шутку.

— Премного благодарен! — громко отвечает мне Быстрицкий. Но в его голосе отчетливо слышится сарказм.

— А еще Елизавета Петровна вместе с Михаилом Васильевичем Ломоносовым основали Московский государственный университет. Я, кстати, в нем училась, — продолжаю говорить. — А вы знали, что «баба у руля» Елизавета в ходе Семилетней войны завоевала Кенигсберг и Берлин? Да-да, город, который мы сегодня знаем как Калининград, входил в состав России дважды: первый был при Елизавете Петровне, а второй уже во время Великой Отечественной войны. И «баба у руля» императрица Елизавета взяла Берлин. А «мужик» Петр Третий, который взошел на престол после ее смерти, и Кенигсберг, и Берлин отдал обратно, представляете? «Баба у руля» отвоевала, а «настоящий мужик» отдал обратно.

Я на секунду замолкаю, чтобы перевести дух. Что-то я углубилась в историю России, пора завязывать. Я ведь не учительница по истории, в конце концов. Но толпа неожиданно внимательно меня слушает. С задних рядов больше никто не разворачивается и не уходит. Даже смеявшиеся надо мной мужики притихли.

— Издавна, испокон веков, у мужчин было больше прав, чем у женщин. Одной из причин этому назывался тот факт, что Иисус Христос был мужчиной. Но как верно сказала пер-

вая чернокожая защитница прав женщин Сужурнер Трут: «Откуда взялся ваш Христос? От Бога и от женщины! Мужчина к Нему отношения не имел».

Тяжело сглатываю и снова обвожу замолкших людей взглядом. Под блузкой по позвоночнику течет капелька горячего пота. Стоя перед толпой с микрофоном и говоря все это, я и забыла, как мне было холодно в начале. Щеки горят, уши горят, хочется расстегнуть шубу.

— Время моего выступления, к сожалению, подошло к концу, и я сейчас сказала совсем не то, что планировала. Но я надеюсь, у меня получилось убедить вас в том, что женщина может быть достаточно сильной и умной для того, чтобы управлять таким большим городом, как Печорск. Вы меня не знаете, не доверяете, я для вас чужачка. Но уже очень скоро я покажу вам, на что может быть способна «баба у руля».

Я замолкаю и возвращаю микрофон на место, а через мгновение люди начинают громко аплодировать.

Глава 12.

Ирина

Сердце колотится о ребра, поэтому, зайдя обратно в Дом культуры, я тут же приваливаюсь спиной к стене. Прикрываю глаза и пытаюсь перевести дыхание.

Они мне хлопали. Правда хлопали. Конечно, не так, как Быстрицкому, не свистели и не визжали, но хлопали явно громче, чем двум депутатам и главе муниципалитета.

— История, наверное, была твоим любимым предметом в школе, — подкалывает меня Быстрицкий, становясь рядом.

Нехотя разлепляю веки и смотрю в его самодовольное лицо. Красивый он, черт, вдруг посещает мою голову неожиданная мысль. Глаза непроизвольно опускаются на его правую ладонь. На безымянном пальце кольца нет. Тогда в доме отдыха я думала, Лев без кольца, потому что находится в непубличной обстановке. Но он не надел его даже на встречу с избирателями.

— Где твое обручальное кольцо? — не могу удержать любопытство при себе.

— Проиграл в карты.

Вскидываю на Льва удивленный взгляд, стараясь угадать, врёт или нет.

— Когда в армии служил, — добавляет. — Решили с па-

цанами поиграть в покер на деньги. У меня тогда денег не было, поэтому я поставил на кон свое обручальное кольцо. Ну и проиграл.

— И как твоя жена к этому отнеслась? — все-таки мое любопытство сильнее меня.

— Колотилась в истерике.

Лев так спокойно об этом говорит... Я, конечно, и сама давно поняла, что у Быстрицкого очень странный брак, но...

— Почему ты не купил новое кольцо?

— Зачем?

Действительно.

— Ну а зачем женатые люди носят обручальные кольца?

— Понятия не имею. Мне оно не нужно.

Я издаю смешок. Вдруг понимаю, что мы с Быстрицким остались вдвоем за сценой. Остальные кандидаты разошлись по своим примеркам или вовсе уже уехали, сотрудников Дома культуры почему-то тоже нет. В тусклом свете глаза Льва кажутся темными, хотя на самом деле они, насколько я помню, голубые.

Мне немного не по себе находиться наедине с Быстрицким. В памяти снова всплывает дом отдыха, поцелуй... Все-таки ошибкой было целоваться с ним. Зациклилась теперь на этом поцелуе, как пятнадцатилетняя школьница. Вот и сейчас сама себя не контролируя, смотрю на губы Быстрицкого.

— У тебя прядка выбилась, — Лев заправляет мне за ухо волосы.

От его прикосновения меня в прямом смысле бьет током, и я дергаюсь.

— Ай!

Лев тихо смеется.

— Ты бьешься током! — произношу с претензией, чувствуя, как разгоняется мое сердцебиение.

Черт... Что происходит? Почему я вообще здесь с ним стою? Надо уходить.

Но не ухожу, продолжая рассматривать Быстрицкого. У него небольшой шрам над левой бровью. Не очень заметный, виден, только если внимательно присмотреться.

— Зачем тебе это, Ира? — вдруг спрашивает низким хрипловатым голосом.

— Что именно?

— Выборы.

— Долго рассказывать...

— Я не тороплюсь.

— А тебе зачем? Весь город и так принадлежит тебе.

— В бизнесе стало скучно, решил сменить обстановку, — ухмыляется. — Ну так и что привело тебя в Печорск? И почему именно Печорск? Не нашлось городов поближе к Москве?

— А ты сожалеешь, что я приехала?

— Наоборот, очень рад твоему появлению в моей жизни.

Лев произносит это такой интонацией, что выбивает воздух из легких. Мне категорически не нравится, как Быстриц-

кий влияет на меня. Чувствую себя рядом с ним какой-то сопливой школьницей.

— Ну так что? Расскажешь? — торопит меня с ответом.

Я молчу. Нет, я не готова сказать Быстрицкому правду, как есть. На своей предыдущей должности первого заместителя министра экономики РФ я крупно облажалась. Премьер-министр отправил меня в Печорск, как в ссылку. Наказание такое за мое предложение отменить в России бюджетные места в вузах. Ну и премьер сказал, что если я выиграю выборы в богом забытом городе Печорск, то буду прощена. Годик поработаю тут мэром (ну раз уж выиграла), а потом вернусь в Москву на очень хорошее место.

И я очень, очень хочу домой в Москву. Поэтому выиграю эти гребанные выборы любой ценой.

— Я в школе не только историю любила, но и географию. В девятом классе узнала, что в России есть прекрасный город под названием Печорск. И как узнала о его существовании, так сразу сама себе пообещала: однажды стану мэром этого замечательного города, — отрываюсь от стены и хлопаю Быстрицкого по плечу. — Передавай привет жене.

Я тороплюсь в свою гримерку. Мои каблуки громко стучат по деревянному полу, поэтому не слышу, следует ли Быстрицкий за мной. Оказавшись в одиночестве, вдруг понимаю, что дрожу. То ли от холода, то ли...

Нет, ну точно не из-за близости Быстрицкого.

Снимаю шубу, бросаю ее на маленький диванчик у сте-

ны, а сама опускаюсь в крутящееся кресло перед зеркалом. Смотрю на свое отражение.

Вроде мое выступление оказалось не таким уж и плохим. По крайней мере оно запомнилось людям. Мой политтехнолог Андрей уже настроил мне сообщений. Он смотрел в прямом эфире на местном телевидении.

Мысли прерывает короткий стук в дверь.

— Войдите.

На пороге появляется незнакомая девушка с большим бумажным стаканом в руке.

— Здравствуйте. Лев Александрович просил принести вам горячий чай, — девушка проходит в примерку и ставит стакан на туалетный столик у зеркала передо мной.

— Спасибо, — только и успеваю растерянно вымолвить.

Девушка бесшумно удаляется, а я удивленно пялюсь на стакан с черной пластиковой крышкой, из-под которой свисает бирка пакетика от чая. Снимаю крышечку. Пар тут же поднимается клубком над стаканом. По запаху это обычный черный чай с бергамотом. Надеюсь, Быстрицкий ничего мне сюда не подмешал?

Беру стаканчик в руки и грею замерзшие ладони. Потом все же решаюсь и делаю небольшой глоток. Горячая жидкость спускается по пищеводу в желудок и согревает изнутри. Блаженно прикрываю глаза и вдруг понимаю, что я чертовски устала.

Телефон издает короткое дзинканье.

Нехотя поднимаю тяжелые веки и вижу на экране новые сообщения от политтехнолога. Разблокирую экран и проваливаюсь в диалог:

«Первое — губернатор приглашает всех кандидатов в мэры провести выходные в его резиденции. Только что пришло приглашение в штаб. Второе — мы нашли одну очень обиженную любовницу Быстрицкого)))».

Глава 13.

Ирина

— Я все ждала, что он разведется. А он все не разводился и не разводился, — выдает обиженно бывшая любовница Быстрицкого и прижимает к сухим глазам салфетку.

Марина, двадцать три года. Их роман с Быстрицким длился десять месяцев, Лев порвал с ней в прошлом году. Моя команда отыскала ее по геотегам в социальных сетях: они с Быстрицким постили фотографии в одно время и из одного острова на Мальдивах.

Я поднимаю на Андрея недоуменный взгляд. Мой политтехнолог, едва скрывая смех, спрашивает:

— А почему вы ждали, что Быстрицкий разведется?

Марина отбрасывает назад светлую прядь нарощенных волос и поджигает силиконовые губы.

— Ну а зачем еще он со мной был!? Я думала, он меня любит! А он... А он...

Кажется, на ее наклеенных ресницах даже появляется настоящая слезинка.

— А он вам обещал, что разведется с женой, или вы сами думали, что он должен развестись? — устало спрашиваю.

— Ну... — теряется. — Он вел себя так, как будто собирается развестись.

— Это как?

— Дарил мне подарки, водил меня в рестораны, возил на Мальдивы...

— В любви признавался?

— Прямо эти три слова не произносил, но все действия Льва говорили о том, что он меня любит!

Я уже от нее устала. Облокачиваюсь на спинку мягкого кожаного кресла в своем кабинете в штабе и тру глаза. Типичная безмозглая любовница. И Льву было с ней интересно? О чем он хоть разговаривал с ней?

Хотя... Любовниц ведь не для разговоров заводят. Бро-саю взгляд на ее надутые силиконом губы. Такой рот пред-назначен явно не для философских бесед о душе.

— И как вы расстались? — спрашивает Андрей.

— Лев сказал, что между нами все кончено.

— Почему?

— Я не знаю! Я ничего плохого не сделала! А он просто в один день взял и объявил, что больше мы встречаться не будем, — Марина снова прикладывает к сухим глазам бумаж-ный платок.

Эта девушка вызывает у меня раздражение. Ее внешний вид, ее манера разговора, ее тупость — меня все в ней бесит. Вот просто до иступления бесит. Волна отвращения подни-мается к горлу и застревает там комом. Еще чуть-чуть — и в прямом смысле меня стошнит.

— Спасибо, что уделили нам время. Мы вам позвоним,

— говорю, чтобы содержанка поскорее убралась.

Она недоуменно хлопает нарощенными ресницами.

— Это все?

— Пока да. Мы свяжемся с вами чуть позднее.

Марина поднимается со стула, поправляет на бедрах короткую кожаную юбку, надевает соболиную шубу и наконец-то выметается из моего кабинета.

— Открой, пожалуйста, окно, — прошу Андрея. — От ее приторных духов у меня разболелась голова.

Политтехнолог ухмыляется, согласно кивнув, и приоткрывает форточку.

— Что скажете, Ирина?

Пожимаю плечами.

— У них была ничего не значащая связь. Быстрицкий ей ничего не обещал, предложение не делал, кольцо не дарил, незапланированного ребенка у них тоже не случилось. Просто любовница. Да, это будет пятном на его идеальной репутации, но вряд ли из-за этого за Быстрицкого не проголосуют. Наоборот, я даже думаю, что мужская часть населения еще больше его зауважает. Скажут: «Мужик!».

Мое настроение ниже плинтуса. Во-первых, после выступления в Доме культуры я кожей ощутила, как город поддерживает Быстрицкого. Во-вторых, эта Марина выбесила меня одним своим существованием. Такое ощущение, будто это я жена Быстрицкого и это мне он изменяет.

Боже, какая нелепость...

— Ну смотрите. Она, например, может обвинить его в домашнем насилии. Мол, поднимал на нее руку.

— Быстрицкий не поднимал на нее руку, — тут же протестую.

— Это он потом будет всем объяснять, только половина ему уже не поверит.

— Нет, клеветать на Быстрицкого не надо, — качаю головой. — Я против таких методов. Нужно работать с тем, что реально есть. А реально есть просто любовница, с которой он спал и которой ничего не обещал, но она сама себе напридумывала неземную любовь.

Мельников задумчиво тарабанит пальцами по деревянному столу.

— Но в любом случае это лучше, чем ничего, — настаивает Мельников. — Нам нужно сбивать рейтинг Быстрицкого, быстро это не сделаешь. Будем постепенно. Сначала просто любовница, потом еще что-нибудь найдем. Параллельно будет расти ваш рейтинг. Ваше выступление у Дома культуры очень хорошо воспринято местными жителями, даже мужского пола. Вы заняли третье место после Быстрицкого и Афанасьева.

— Даже уволенный за отсутствие новых дорог Афанасьев меня обошел! — возмущаюсь криком.

— Это пока. Его давно знают, а вас первый раз увидели. Мы в правильном направлении движемся.

Опускаю затылок на спинку кресла и задираю голову к

белому потолку. Мое тело наполнено негативом и раздражением, мне срочно нужно это куда-то выплеснуть. Дома в Москве в таких ситуациях мне очень помогал спортзал на минус первом этаже моего элитного ЖК. В Печорске же я сняла квартиру в убогой девятиэтажке с обоссанным подъездом.

Как же сильно я хочу домой...

— Ладно, — поднимаюсь на ноги. — Уже поздно, завтра много дел.

— Вы поедете к губернатору?

— Да, раз пригласил.

— Он приглашал вместе с членами семьи.

— У меня нет в Печорске семьи, — бросаю в сумку телефон и планшет, надеваю шубу. — До завтра Андрей, — и не дожидаясь его ответа, выхожу из своего кабинета.

Такси везет меня десять минут по заснеженным дорогам Печорска. Я поднимаюсь в разрисованном членами лифте на седьмой этаж своей съемной двушки без особого ремонта. Там я разогреваю мясо по-французски и ужинаю в гордом одиночестве.

У меня так и чешется рука открыть на планшете интернет и посмотреть, что про меня пишут на местных форумах, но не хочу расстраиваться. Хотя Андрей говорил, что положительных откликов про меня намного больше, чем отрицательных.

Не выдерживаю и все-таки залезаю в интернет. Набрав в

поисковике «Ирина Самойлова отзывы», прохожу по первой же ссылке.

«А мне она понравилась. Хорошо выступила».

«Внешность у нее зачетная».

«Да ну, москвичка. Нах она нам?».

«Тридцать лет не замужем детей нет. Ущербная как-то».

«Тоже не понимаю чем думает женщина у которой в тридцать ни мужа ни ребенка. Мне ее жалко».

«Несчастливая женщина. Мужа нет, детей нет. Чем ей еще заняться?)))) Вот учебники по истории видимо читает».

«Представляю какой у нее характер если ни один мужик возле нее не задержался».

Опускаю планшет на стол экраном вниз. И это все пишут люди, которые даже не знают, когда ставить запятые. Ну да, зачем им быть грамотными, у них одна радость в жизни — бегом жениться после школы и нарожать детей, а потом сосать палец.

Я давно поняла: чего бы женщина ни добилась, ее заслуги не значат ровным счетом ничего, если у нее нет мужа. Просто потому что настоящий показатель успеха у женщины — это не хорошее образование, не престижная работа, не высокий заработок, а муж. Какой бы он ни был. Даже если муж с пивным пузом лежит на диване, смотрит футбол и нигде не работает — именно он делает женщину в глазах общества успешной и полноценной.

Как же я устала от этих бесконечных сочувствующих взглядов со стороны замужних женщин. Мол, «Не переживай, ты тоже себе кого-нибудь найдешь» или «Бедная, как же ты все на себе одна тащишь». При том, что на самом деле это они тащат на себе детей, мужика и зачастую еще его маму.

А ведь я знаю, что эти замужние смотрят на меня и в глубине души завидуют. Надо показать им, как умеют жить поистине красивые, сильные и независимые девушки, у которых нет детей, но которые счастливее всех этих домохозяек вместе взятых.

Я беру в руки телефон и звоню жене своего младшего брата — всемирно известной топ-модели, которая однажды взорвала все мировые подиумы.

Глава 14.

Ирина

У губернатора настоящий дворец. Когда я подъезжаю, ворота автоматически открываются, и такси заезжает на закрытую территорию. Зимой здесь все в снегу, но по антуражу не сложно понять, что летом эта огромная территория перед особняком превращается в зеленый сад. Даже фонтан есть.

У двери меня встречает в прямом смысле слова дворецкий, который, кланяясь, пропускает меня в особняк. От блеска рябит в глазах. Пол — белый мрамор, перила — золотые. Надеюсь, что все-таки хотя бы позолоченные, потому что, если это настоящее золото, то я уж и не знаю.

— Ирина Максимовна! — мне навстречу выходит губернатор.

— Здравствуйте, Вениамин Петрович, — улыбаюсь и протягиваю руку тучному мужчине лет шестидесяти.

Но вместо того, чтобы пожать ладонь, губернатор неожиданно стискивает меня в объятиях.

— Очень рад, очень рад, — смачно целует меня в щеки.

От такой наглости и бесцеремонности я на несколько секунд теряюсь. Как только губернатор наконец-то отходит от меня на шаг, непроизвольно вытираю щеки от его противных слюней.

— И мне тоже приятно познакомиться.

— Как добрались? Все ли в порядке? Гости уже все приехали, пойдемте.

И не спрашивая моего мнения, губер берет меня под руку и ведет в сторону зала, из которого доносится легкая музыка.

— Давайте я помогу вам, — останавливается у гардероба перед входом в зал.

Я снимаю шубу и отдаю ее губернатору. Он галантно вешает ее на вешалку. Странно, что здесь нет для этого отдельного дворцового или еще какого-нибудь специального чело- века.

— Ну как вам в наших краях, Ирина Максимовна?

— У вас очень мило, — вру.

— Ну уж не милее, чем в Москве.

— Что вы, у вас тут такая природа! Такой воздух!

Особенно после выбросов с завода Быстрицкого, мысленно добавляю.

— Я очень рад кандидату в мэры нашей столицы из Моск- вы. Скажу вам по секрету, ваше появление привело некото- рых кандидатов в тонус, — последнее предложение произ- носит заговорщицким шепотом.

Округляю глаза в изумлении.

— Интересно, кого же? Уж не господина Быстрицкого ли?

— Его в том числе, — понижает голос еще сильнее.

Губер снова бесцеремонно берет меня под руку и заводит в светящийся зал. Ей-богу, в девятнадцатом веке балы про-

водились, наверное, именно в таких помещениях. В глазах рябит от блеска и золота.

Вениамин Петрович проводит меня к столу и помогает сесть. Я настолько увлеклась разглядыванием мрамора и статуй, что даже не посмотрела, кто из гостей уже за столом. А собрались все кандидаты в мэры. Ровно напротив меня Быстрицкий... с женой и сыном.

При виде их троих я впадаю в ступор. Лев неотрывно смотрит на меня такими глазами, будто сожрет прямо сейчас. Его жена переговаривается с женщиной рядом, видимо, супругой Афанасьева. Сын Быстрицкого Арсений с кислой физиономией ковыряется в телефоне.

— Итак, наконец-то все в сборе, — провозглашает губернатор, и гости тут же замолкают. — Дорогие друзья, я очень рад, что вы нашли время и возможность приехать ко мне в гости со своими семьями. Почти всех из вас я знал раньше. Кого-то лучше, кого-то хуже, но сейчас решил собрать у себя кандидатов в мэры нашей столицы, чтобы лично пообщаться с каждым. Я управляю всем регионом, и кто будет мэром в Печорске для меня тоже немаловажно. Надеюсь, все вы хорошо проведете время, находясь у меня в гостях, — Вениамин Петрович, пыхтя, садится на стул во главе стола и знаком показывает официантам начать подавать блюда.

Обстановка крайне странная, и мне становится не по себе. Во-первых, все четыре моих конкурента приехали с полными семьями, а я одна. Алкаш Криворуков и вовсе прита-

шил всех своих четверых детей. Я стараюсь не смотреть на Быстрицкого, но от его пристального взгляда уже печет кожу. Официант накладывает мне салат с морепродуктами, пополняет шампанским бокал, и я утыкаюсь в тарелку.

Мне нужно сделать все возможное для того, чтобы я НЕ понравилась губернатору. Ведь губер обязательно объявит публично, кого из кандидатов он поддерживает. И я готова поспорить на что угодно: у кандидата, которого губернатор поддержит публично, тут же упадет рейтинг.

Вениамин Петрович возглавляет область двадцать лет, он наворовал столько, что сложно вообразить. Люди его ненавидят, поэтому кандидат, которого поддержит губер, автоматически опустится в глазах избирателей. И я ни в коем случае не должна стать этим кандидатом. Даже наоборот: мне бы сыграло на руку, если бы Вениамин Петрович меня покритиковал и поругал.

Слева от меня сидит Федор Емельянович Осипов, бывший депутат, который выступал на площади первым. Сначала он, будто невзначай, задевает меня локтем, а потом все-таки начинает разговор.

— Ирина Максимовна, до сих пор помню ваше выступление. Мне очень понравилось, — склоняется к моему уху.

— Спасибо, Федор Емельянович. Мне ваше выступление тоже понравилось.

Ничего скучнее его речи я в жизни не слышала.

— Скажите, вы заранее готовились? Просто вы так хоро-

шо владеете историей...

Мне едва удастся скрыть смех.

— Я импровизировала. Мне выкрикнули «баба у руля», пришлось на это отвечать.

— Это, конечно, было очень бестактное заявление...

Мы с Осиповым продолжаем тихо переговариваться. Я специально стараюсь не смотреть ровно перед собой: на Быстрицкого и его семью. Но тот факт, что Лев нагло меня разглядывает, несмотря на то, что его жена здесь, рядом с ним, меня коробит.

Точно так же, пристально, неотрывно, он смотрел на меня в доме отдыха, когда мы ужинали. У меня тогда чуть кусок поперек горла не встал, от того, как он меня зрительно лапал. И сейчас ситуация повторяется. При живой жене по правую руку от него Быстрицкий меня лапает и раздевает. Мысленно, конечно же. Но такое ощущение, что я наяву чувствую его горячие руки на себе.

По коже под платьем прокатывается жар. Не выдерживаю и поднимаю глаза на Льва. Ох, лучше бы я этого не делала. Он неотразим в белоснежной рубашке, расстегнутой на несколько первых пуговиц. От Быстрицкого исходит уверенность в себе и сила. Как будто это он здесь главный, а не губернатор. Впрочем... Возможно, именно так и есть.

Уже прошло достаточно времени, чтобы часть людей встала из-за стола и рассредоточилась по помещению. Музыка стала чуть громче, смех гостей тоже. Чтобы сбежать от взора

Быстрицкого, я поднимаюсь с места и подхожу к губернатору, который разговаривает с Афанасьевым.

И они тоже обсуждают выступления на площади. Незначительный обмен любезностями, пара фраз ни о чем, и вдруг возле нас возникает Быстрицкий.

— Вениамин Петрович, даете коллегам наставления? — спрашивает в шутку.

— Ой, да я думаю, коллеги сами могут кому угодно дать наставления.

— Ирина Максимовна, — обращается ко мне Быстрицкий. — Разрешите пригласить вас на танец?

Я аж теряюсь от такого предложения. Жена и сын Быстрицкого находятся здесь, в этом зале, а Лев, не стесняясь, приглашает меня на танец. Он продолжает вопросительно на меня смотреть, губернатор и Афанасьев тоже замолчали.

Черт, ну и ситуация...

— Конечно, — отвечаю вежливо после долгой паузы.

Лев тут же берет меня за руку и оттаскивает в сторону, где в медленном танце крутится всего одна пара: сын одного из кандидатов с дочерью другого кандидата.

— Ты бы хоть жены постеснялся, — цежу сквозь зубы.

В ответ Лев еще плотнее прижимает меня к себе.

— Просто нет слов, какой ты...

— Какой?

Я не хочу смотреть Льву в лицо, оно слишком красивое, поэтому гляжу поверх его плеча. И напарываюсь взглядом на

жену. Алина Быстрицкая пьет большими глотками красное вино и неотрывно наблюдает за нами.

— Твоя жена смотрит, это просто ужасно.

— Не обращай на нее внимания.

Возмущение так и прет из меня. Лев не просто положил ладони мне на талию, он обнимает меня обеими руками, почти вплотную прижимая к себе. Я чувствую его дыхание на своих волосах и шее. Мой нос в свою очередь улавливает его запах. Такая близость пьянит. У меня начинает слегка кружиться голова, хотя я едва ли коснулась губами бокала шампанского.

— Как твои дела, Ира? — спрашивает на ухо.

— Все хорошо.

— Чем занимаешься целыми днями? Не скучно тебе в нашем городе?

— Спасибо за беспокойство, мне есть, чем заняться.

Быстрицкий ведет правой рукой вверх по моей спине. Забирается ладонью под распущенные волосы и проходится по обнаженному участку кожи.

— Что ты делаешь? — испуганно спрашиваю и хочу отпрянуть на шаг назад, но Лев крепко держит меня за талию второй рукой.

— Хочу касаться тебя.

Эти слова звучат настолько интимно, что перехватывает дыхание. Мой взгляд снова дергается в сторону Алины Быстрицкой. Она продолжает пить вино и наблюдать за нами. Я

виновато отвожу от нее глаза.

Боже... Почему я чувствую себя любовницей?

— Лев, прекрати немедленно, — прошу дрожащим голосом. — Твое поведение неуместно, мы конкурентны, и здесь твоя жена.

— Не могу. Тянет к тебе, как магнитом. Черт, Ира... Думаю о тебе постоянно. Что ты со мной сделала?

«А ты что со мной сделал?», хочется спросить, но молчу.

Я чувствую, как мои ноги медленно слабеют. Непроизвольно я крепче хватаюсь за плечи Быстрицкого и все-таки смотрю ему в лицо. В его глазах утонуть можно. В горле моментально пересыхает, тороплюсь сглотнуть, а нечем.

Я будто под кайфом. С ним, с Быстрицким. Вот так медленно двигаясь в его руках, ощущая прикосновения его пальцев к моей обнаженной коже, я как будто улетаю куда-то в другую реальность. Туда, где чувства максимально обостряются, а здравый смысл, наоборот, притупляется.

— Дорогие гости... — вдруг врзается в уши громкий бас губернатора и моментально приводит меня в чувство.

Я делаю громкий вдох, опомнившись, где и в каком месте нахожусь, и резко отступаю на шаг назад, выбираясь из рук Быстрицкого. Губер приглашает гостей в соседний зал, а я тороплюсь в противоположную сторону, на выход. Достая из гардероба шубу и, не успев ее застегнуть, выскакиваю на улицу.

Морозный воздух бьет в лицо, но это то, что мне сейчас

нужно — протрезветь от Быстрицкого. Этот мужчина пьянит меня похлеще любого алкоголя. Мое дыхание частое-частое, пальцы подрагивают. Я подставляю лицо одиноким снежинкам, чувствуя, как горит кожа на всем теле.

Дверь сзади меня открывается и закрывается. Я моментально напрягаюсь, ожидая, что это Лев вышел за мной, но облегченно выдыхаю, когда слышу легкий стук каблучков.

Впрочем, облегченно выдыхаю не на долго. Рядом со мной в роскошной соболиной шубе становится Алина Быстрицкая. Ее длинные светлые волосы разбросаны по черному меху, осанка прямая и гордая. Девушка останавливается в метре от меня и, смотря в темноту ровно перед собой, достает из кармана пачку сигарет. Вытаскивает тонкую палочку, чиркает зажигалкой и глубоко затягивается.

Мы стоим в неловком молчании пару десятков секунд. Ну как неловком. Быстрицкая выглядит вполне уверенной, делая глубокие затяжки. А у меня же в голове крутится навязчивая мысль, что я целовалась с ее мужем.

Господи, еще никогда я не чувствовала себя так униженно...

Неожиданно Быстрицкая поворачивается ко мне всем корпусом.

— Меня Алина зовут, — представляется, широко улыбаясь.

— Ирина, — осторожно отвечаю.

Быстрицкая протягивает мне ладонь с длинными ногтя-

ми.

— Очень приятно познакомиться с тобой, Ира. Я смотрела твоё выступление на площади. Это было потрясно.

Что она задумала!?

Но я не показываю своей настороженности. Растягиваю губы в такой же приторной улыбке, как у нее, и жму ладонь.

— И мне очень приятно познакомиться с тобой, Алина.

Глава 15.

— Как тебе здесь? — Быстрицкая кивает головой на дом губернатора и затягивается сигаретой.

Пожимаю плечами.

— Да так, нормально... Не очень поняла, зачем губернатор нас всех собрал.

— Прощупывает, кого ему лучше держаться.

— В смысле?

— Его дни у власти сочтены, — выпускает в воздух колечки дыма. — Сначала подлизывался к моему мужу. Думал, если Лев выиграет выборы, то поможет ему переизбраться на еще один губернаторский срок. Но тут появилась ты, и Вениамин Петрович подумал, что, возможно, ему следует дружить не со Львом, а с человеком из Москвы.

Хмыкаю, не веря.

— Хочешь сказать, он устроил это сборище из-за меня?

— Да, именно так. Посмотреть, что ты за темная лошадка и следует ли ему тебя опасаться. Или, наоборот, с тобой нужно дружить.

Зачем она мне все это говорит? Пока мы сидели за столом, Алина не удостоила меня и взглядом. Но зато когда я танцевала с ее мужем, не сводила с нас глаз. И вот сейчас вышла следом за мной явно не просто так.

Ревнует Льва ко мне? Глупости какие. Мы хоть и целовались один раз, но я точно не та женщина, к которой ей следует ревновать мужа. Любовницей Быстрицкого я не буду.

— Как тебе в нашем городе? — Алина достает из пачки уже вторую сигарету.

Кстати, Лев, по-моему, не курит. По крайней мере я ни разу не чувствовала от него запаха сигарет. А за столь непродолжительное знакомство вплотную к нему я побывала не мало.

— Нормально.

— Почему решила стать мэром именно Печорска?

Ее подослал Лев? Иначе зачем этот допрос?

— Где были ближайшие выборы, туда и зарегистрировалась.

Быстрицкая с пониманием кивает.

— У нас скучновато молодой девушке, — затягивается сигаретой. — Достопримечательностей нет, сходить особо некуда. Но есть неплохое спа, там настоящие тайки работают. Лев их из Таиланда привозил, когда открывал салон.

— Какое спа? — и моя поясница, будто специально, больно заныла.

— «Орхидея». В центре города.

— Я видела вывеску.

— Рекомендую. Я там каждые выходные зависаю. Больше в Печорске ничего интересного для девушки слегка за тридцать нет, — хмыкает.

Так и хочется съязвить что-то типа: «Что же твой муж не создаст развлечений специально для тебя?». Но я уже изрядно продрогла на морозе, поэтому решаю вернуться обратно в дом. Алина затягивается напоследок и бросает недокуренную сигарету в высокий сугроб. Даже не в урну, которая здесь неподалеку.

Гости уже переместились в соседний зал. Там играет легкая музыка, официанты подает закуски и напитки. Стрелка на часах приближается к десяти вечера. Губернатор пригласил всех кандидатов провести у него целые выходные. Не думаю, что останусь здесь так надолго, но сегодня переночую. Дворецкий должен был отнести мою сумку в выделенную для меня комнату.

Вениамин Петрович, завидя меня, спешит с бокалом шампанского. Теперь я смотрю на него другими глазами. Я запомнила, как Алина сказала мне, что губер организовал это сборище из-за меня. Возможно, Быстрицкая и наврала, но все же лучше иметь эту информацию в виду.

И да, уведя меня в укромный уголок, губер принимается, будто невзначай, расспрашивать о цели моего приезда. Вопросы, в общем-то, все те же, что мне уже задавали супруги Быстрицкие: почему именно Печорск, зачем мне это и так далее. Главное, что его интересует, — это кто за мной стоит.

Ей-Богу, он смешон. Неужели губер действительно думает, что я буду молвить за него словечко в Москве? Знал бы он правду — что меня направили сюда в ссылку в качестве на-

казания — не стелился бы так передо мной. И мне по-прежнему нужно показаться Вениамину Петровичу слабой и бесперспективной: чтобы не вздумал поддерживать мою кандидатуру публично. Иначе мой начавший подниматься с нуля рейтинг не то, что вернется на прежнее значение, а уйдет в отрицательную плоскость.

Лев больше не подходит ко мне и не пытается заговорить, хотя я чувствую на себе его пожирающий взгляд. Алина вцепилась в руку Быстрицкого, как утопающий в соломинку. В прямом смысле слова Алина держит Льва под локоть и всюду неотрывно следует за ним. Видимо, чтобы не дай Бог ни с кем не начал танцевать. Цирк какой-то. Лев изменяет Алине направо и налево, а она ревнует его ко мне.

В одиннадцать часов, попрощавшись с губернатором, я в сопровождении дворецкого направляюсь в выделенную мне комнату. Это большая спальня на втором этаже, метров двадцать пять, со всей необходимой мебелью, балконом и собственной ванной. Спальный гарнитур из Италии. Сантехника в ванной тоже итальянская. Мда, дворец, не иначе.

У меня долго не получается уснуть в холодной постели. В голову неотрывно лезет Быстрицкий. Как его обойти? Какие у него слабые места? Почему он так себя со мной ведет?

Ну, то есть, я понимаю, что понравилась ему там, на дороге. Но теперь ведь он знает, что я его конкурент на выборах. К чему это все — попытки обнять, прикоснуться? Мне было бы намного проще, если бы Быстрицкий был настроен

ко мне враждебно, как и полагается конкуренту.

Но моя спина до сих пор ощущает прикосновение нежных рук Льва во время танца. В ушах звучит мягкий тембр его голоса, а нос все еще чувствует запах его парфюма...

С ума сойти, я поплыла, как школьница. Давно со мной такого не было. Непорядок.

Проворочавшись в постели пару часов, посидев в интернете и пообщавшись с женой моего младшего брата, которая скоро должна приехать, я решаю, что для того, чтобы уснуть, мне нужно выйти на прогулку. Надеваю джинсы, теплый свитер, шубу и спускаюсь на первый этаж. Все гости уже разошлись по комнатам, дом спит, прислуги тоже нет.

Сад освещается фонарями. Здесь расчищены от снега дорожки, растут деревья, которые сейчас голые, а поздней весной и летом, наверное, богато украшены зеленой листвой.

Я иду неспешным шагом куда-то вниз, накинув на голову капюшон. Холодно, но возвращаться обратно пока не хочется. На небе — ни звездочки. Лишь какая-то серая полоса виднеется на горизонте. Наверное, выбросы с завода Быстрицкого. Ухмыляюсь. Травит весь город и не краснеет.

А впрочем... Тема экологии становится все популярнее и популярнее среди населения страны. Жители Печорска не исключение. Можно же как-то замерить, сколько вредных веществ выбрасывает в атмосферу завод Быстрицкого? Потом сопоставить, например, с заболеваемостью раком в регионе...

— Не спится? — вдруг врывается в мои мысли чужой голос.

От неожиданности я вскрикиваю.

— Тише ты, тише.

И опомниться не успеваю, как оказываюсь в руках Льва.

Глава 16.

Ирина

— Господи, я думала, я поседею от страха! — сходу набрасываюсь на Быстрицкого и спешу высвободиться из его рук.

— Почему не спишь? — игнорирует мой гневный выпад.

— Не хочу. А ты что тут делаешь?

— Вышел подышать свежим воздухом.

— Если бы он еще был свежим! Твой завод травит атмосферу.

— Поэтому я каждое лето провожу акцию по высадке тысячи деревьев.

Фыркаю. Но это правда, да, Лев проводит такую благотворительную акцию. Сажает деревья в Печорске и окрестностях.

Я перевожу дыхание и оглядываю Быстрицкого. Он в теплом пуховике, на голову накинута капюшон.

— Давно ты тут? — спрашиваю уже чуть спокойнее.

— Не очень. Ты в какое-то конкретное место шла или просто гуляешь?

— Просто гуляю.

— Хочешь, сделаем круг вокруг территории губернатора?

Я с сомнением кошусь на Льва. Ночная прогулка? С ним?

— Ну пойдём.

Лев разворачивается в сторону выхода с имения губернатора. Я следую за ним. Мы идем в гробовой тишине, прерываемой только хрустом снега под ногами. Доходим до ворот, и оказываемся за пределами дворца Вениамина Петровича.

— Большая тут территория? — задаю вопрос, чтобы прервать тягостное молчание.

— Минут пятнадцать пешком.

— Почему ты не спишь?

— Не смог уснуть. А ты?

— Тоже.

Мы снова погружаемся в молчание.

— Твоя жена проснется, а тебя нет, — слетает язвительно с языка.

— Ничего страшного.

— Как это ничего страшного? Она твоя жена!

— Ира, я думаю, ты поняла, что наш с Алиной брак — это чистая формальность.

— А по вашим совместным выходам в свет так не скажешь. Вы просто идеальная пара на всех публичных мероприятиях.

Яд из меня так и сочится. Мне хочется уколоть Быстрицкого побольнее, потому что, черт возьми, меня бесит, что он женат и при этом ведет себя так, будто свободен, как ветер в поле! Не знаю, почему меня это бесит, мне не должно быть до Быстрицкого никакого дела.

Но, блин, бесит.

— Ну ты тоже на публике выглядишь вполне счастливой в одиночестве, — парирует.

Я аж теряюсь от такого заявления.

— Потому что я правда счастлива.

— Я в это не очень верю.

Новая волна возмущения окатывает меня с головы до ног.

— В смысле? Ты думаешь, что если девушка не замужем, то она обязательно несчастна? Из-за того, что у нее нет мужика?

Лев шумно вздыхает.

— Я думаю, одинокая девушка несчастна не столько из-за того, что у нее нет мужика, сколько из-за того, что ей некому помочь, когда она въезжает в дерево ночью на дороге в незнакомом городе. И некому сходить ей за лекарствами, когда она болеет. И некому наточить ей дома ножи.

— Я сама умею точить ножи.

Мой ответ вызывает у Льва смех.

— А еще я умею забивать гвозди и собирать мебель, — добавляю, уязвленная тем, что он смеется. — Я одна собрала себе письменный стол, книжный стеллаж и тумбочку. Ничего сложного в этом нет.

Быстрицкий продолжает смеяться, и я, не выдержав, пихаю его в бок.

— Ира, скажи мне, почему ты не замужем? — задает самый ненавистный мне вопрос.

— А почему я должна быть замужем?

— Не должна. Но просто мне интересно, неужели в твоём окружении не нашлось мужчины, с которым бы ты захотела создать семью?

Ох, как я ненавижу такие разговоры. Моя мама считает, что я излишне требовательна к мужчинам. Папа думает, что я повернута на работе и вряд ли наступит день, когда он поведет меня под руку к алтарю.

Но правда такова, что у меня нет каких-то особенных требований к мужчинам и на работе я отнюдь не повернута, хотя вокруг все считают иначе. Да, я не хочу быть квочкой-домохозяйкой, у которой все мысли лишь о том, что приготовить на ужин: говядину или индейку. Да, меня передергивает, когда я вижу, как мои подруги бурно дискутируют в чатах детского сада о том, какие костюмы шить к утреннику. И да, я не люблю орущих детей.

Но это не значит, что я не хочу создать свою собственную семью и родить своих собственных детей. Я хочу. Просто...

— У меня с мужчинами как-то не складывалось, — вдруг честно признаюсь. — У меня были отношения. Но в итоге ничего не получалось.

— Почему?

Я молчу какое-то время, подбирая слова.

— Ну... моя первая любовь была невзаимной. Я его любила, а он меня нет.

Лев резко поворачивает ко мне голову и таращится в удив-

лении.

— Кто этот идиот??

Министр экономики нашей страны.

— Он был другом моей сестры, я знала его с детства. Но это было очень давно, мне было семнадцать. На самом деле у нас все было очень невинно: прогулки за ручку и поцелуи у подъезда. Он ждал, когда мне исполнится восемнадцать. Ну а когда мне исполнилось восемнадцать, я спросила его, любит ли он меня. Он не смог мне внятно ответить, и я приняла решение расстаться. Ну и в целом, он был жутким бабником. Не понимаю, зачем он тратил на меня, семнадцатилетку, время.

— А ему сколько было?

— Двадцать три.

Зато сейчас Ярослав, наверное, своей беременной жене завтраки в постель приносит, думаю про себя. Никогда бы не подумала, что он остепенится и женится. Но молоденькая журналистка, пришедшая брать у Ярика интервью, поставила шах и мат его свободолюбивому образу жизни.

— А что было после него? — не унимается Лев.

Сама не понимаю, зачем отвечаю на такие вопросы. Мы не друзья, не любовники, никто. С какой стати я откровенничаю с конкурентом о своей личной жизни?

А вдруг Быстрицкий специально разузнаывает, чтобы использовать информацию против меня?

Лев будто читает мои мысли:

— Я спрашиваю не из корыстных целей, а любопытства ради. Эти вопросы мучают меня с тех пор, как я тебя впервые увидел. Просто поверить не могу, что такая умопомрачительная девушка, как ты, свободна.

Ты тоже, Лев, умопомрачителен, и, конечно же, по закону жанра не свободен, добавляю мысленно, и чувствую горечь на душе. Аж слезы на глаза выступают, хорошо, что в темноте Быстрицкий их не видит.

Никогда не думала, что опущусь до того, что мне понравится женатый мужчина.

Да, Ира, признайся уже себе: он тебе охренеть, как нравится.

— Потом я долго не интересовалась парнями. Была с головой погружена в учебу и различные студенческие активности. А на третьем курсе в одну из поездок в Лондон к сестре и ее мужу познакомилась с парнем. Его звали Тайлер, и он стал моим первым серьезным парнем. Наши отношения на расстоянии продлились три с половиной года. Мы расстались, потому что фирма, в которой он работал, открыла подразделение в Австралии, и Тайлера отправили туда. Наши отношения еле выдерживали расстояние Москва-Лондон, так что расстояние Москва-Сидней их добило окончательно.

Я замолкаю, вспоминая Тайлера. Кареглазый шатен запал мне в душу не сразу. Сначала мы были просто друзьями, пока во время одного из походов в паб Тайлер меня не поцеловал. Мы общаемся с ним до сих пор. Пишем друг другу

письма по электронной почте.

Пожалуй, Тайлер вообще единственный человек, которому я пишу большие письма и от которого получаю такие же большие ответы с подробными рассказами. Он окончательно обосновался в Австралии и уже женился на австралийке. Нет, мне не обидно. Я рада за Тайлера.

— А после Тайлера? — продолжает допрашивать Быстрицкий.

А вот что было после Тайлера, я вспоминать не люблю. До сих пор передергивает.

— Через два года после Тайлера я встретила в Москве мужчину. Все было нормально, пока я не осознала, что он альфонс.

— В смысле!?! — Лев резко останавливается на месте и громко смеется.

— Не смешно! — шиплю. — В прямом. Он был красив, умен и галантен. Правда, не работал. При знакомстве я не придавала этому значения. Подумала, ну мало ли, всякое бывает. Уволился с работы, ищет новую. Но работа у него все не находилась и не находилась. Он ходил по собеседованиям, но везде ему не нравилось: то плохой график, то далеко ездить, то зарплата ниже, чем он заслуживает, то начальник дурак, то еще что-то. При этом он уже у меня жил и по сути был на моем обеспечении. В общем, через год до меня дошло, что выходить на работу он не собирается, и я попросила его покинуть мою квартиру.

Быстрицкий ржет в голос, а меня же охватывает возмущение. Я с силой бью его кулаком в плечо, но Лев не двигается с места.

— Ира, — говорит сквозь смех. — Ты же такая умная. Как ты сразу не распознала альфонса?

Я задавала себе этот вопрос тысячу раз.

— Знаешь, а они хорошо шифруются и втираются в доверие. У него было блестящее образование, он владел тремя языками и мог поддержать разговор на любую тему. Ну и когда ты знакомишься с человеком, ты же не начинаешь его сразу в чем-то подозревать. У тебя складывается о человеке хорошее впечатление, ты ему доверяешь...

Я замолкаю, смотря на продолжающего смеяться Быстрицкого. Хочется стукнуть его по голове! Но вдруг моя злость сходит на нет, и я сама заражаюсь смехом. Тогда мне было ужасно неприятно, что ко мне, как пиявка, присосался альфонс. Но сейчас и правда смешно это вспоминать.

Лев наконец-то заканчивает смеяться и глядит на меня.

— А после альфонса?

— Альфонса я выставила за дверь два года назад и с тех пор я свободна. Больше у меня не было отношений.

Лев еще слегка смеется и возобновляет движение. Кажется, мы уже сделали круг и вернулись обратно к воротам на территорию губернаторского имения. Лев открывает калитку и пропускает меня вперед. Но он не идет напрямик к дому, до которого метров тридцать, а сворачивает в сад. Зна-

чит, пойдем длинной дорогой.

— То есть, получается, у тебя серьезных отношений не было? — вдруг делает вывод. — С первым парнем ты гуляла за ручку. Со вторым вы жили в тысячах километров друг от друга. Третий тебя использовал.

Из груди вырывается вздох негодования.

— С Тайлером были серьезные отношения, несмотря на тысячи километров. А что насчет тебя? — быстро перевожу тему.

— Про меня ты знаешь.

— Расскажи, как ты женился.

— Алина забеременела. Вот и женился.

— В восемнадцать лет?

— Да, в восемнадцать лет. Мы с Алиной учились в параллельных классах. На школьном выпускном оба выпили лишнего и проснулись в одной постели. Через месяц Алина пришла ко мне домой с положительным тестом на беременность.

Я удивленно поворачиваю голову ко Льву.

— То есть, вы с ней не встречались в школе!?

— Нет.

У меня в голове еще миллион вопросов. В официальной биографии Быстрицкого его брак подан, как неземная любовь со школьной скамьи. Я и сама думала, что у них в школьные годы были отношения, раз случился залет.

— Мы оба были слишком молоды и не готовы к браку, к семье, к ребенку, — продолжает Лев. — Мы плохо знали

друг друга. В школе почти не общались.

— Зачем вы тогда вообще поженились? Неужели не было вариантов..?

— Аборт? — отвечает вопросом на вопрос.

Я мнусь, но да, я имею в виду именно аборт.

— Аборт не рассматривался.

— Почему вы до сих пор не развелись?

Этот вопрос интересует меня больше всего. Почему Быстрицкий не разводится с женой, если гуляет от нее направо и налево? Тогда в восемнадцать он женился из-за ребенка, но сейчас что его удерживает? По-прежнему ребенок? Так он уже взрослый.

— Это сложный вопрос, — отвечает, помедлив. — Много всего было, что не давало развестись.

— А сейчас что не дает? — спрашиваю, затаив дыхание.

— Сейчас уже, в принципе, ничего. Сейчас уже просто Алина мне не мешает. Ну есть она и есть.

Меня с головой затапливает разочарование. Вот так вот, значит. Не мешает. Ну есть она и есть. Все равно, если захочу, буду приставать к девушкам на дороге, везти их в загородный дом и целовать там.

Обида больно жжет под ложечкой, и больше я не произношу ни слова. Лев тоже молчит, погружившись в свои мысли.

Мы доходим до парадной двери в дом. Лев пропускает меня вперед. Свет нигде не горит. Мы стараемся ступать тихо, но каждый наш шаг в этой гробовой тишине кажется очень

громким.

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж, Лев следует за мной. Там я сворачиваю в свое крыло. Быстрицкий по-прежнему шагает за спиной. Его комната что, рядом с моей?

Останавливаюсь у своей двери и опускаю ручку. Лев тоже останавливается. Переступаю порог, он делает шаг следом. В ужасе поворачиваю на него лицо. Лев перехватывает дверь и тихо ее прикрывает.

— Что ты делаешь!?! — громко шепчу.

Он не отвечает. Опускает руки мне на талию и впечатывает меня в комод.

— Ни о ком не могу думать, кроме тебя, — говорит мне в губы.

— Не надо, — судорожно прошу.

Тело охватывает дрожь. Лев не целует меня. Опустился своим лбом на мой, дышит мне в губы, водит пальцами по волосам и лицу.

— Ты сошел с ума.

— По тебе.

Я тряпка. Я не могу его оттолкнуть, не могу прогнать, не могу ударить. Стою и дрожу, ловя его дыхание на своих губах, запоминая его прикосновения к моей коже.

Дура ты, Ира, говорю сама себе и продолжаю бездействовать. Он женат. Он твой конкурент.

Он твой женатый конкурент.

И все равно не отталкиваю его. Наоборот, руки-предатели

тянутся к его лицу. Пальцы сводит — так сильно хочу прикоснуться.

И прикасаюсь. Одну ладонь запускаю в волосы. Второй провожу по щеке.

Лев целует меня. Наконец-то. Я как будто всю жизнь ждала этого поцелуя.

Как будто была рождена для него...

Глава 17.

Лев

Не целую Иру, а пью ее, осушаю до дна. Наши тела разделяют ее шуба и моя куртка. Свою я сбрасываю на пол, но у Иры крючки, и я не могу их сходу расстегнуть.

Отрываюсь от ее губ и целую лицо, шею. Ира запрокидывает голову назад, давая мне больше пространства, и издает тихий стон. От этого мне сносит крышу еще больше. Ира обнимает меня одной рукой за шею, второй водит по волосам. Никогда никого не хотел так, как ее.

— Как снять эту шубу? — спрашиваю, продолжая покрывать Иру поцелуями.

Она рвано выдыхает и слегка отстраняет меня от себя. Блуждает по мне пьяными глазами и часто-часто дышит.

— Лев, не надо.

Из груди у меня вырывается то ли рык, то ли стон обречения. Так я и знал, что не может Самойлова поддаться мне слишком просто.

— Мы в гостях у губернатора, где-то здесь неподалеку спит твоя жена.

Упоминание об Алине провоцирует во мне волну отвращения. Меньше всего на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.